Savinkov, Boris Viktorovich

Kon' Voronot

В. РОПШИНЪ (Б. САВИНКОВЪ)

КОНЬ ВОРОНОЙ

ПАРИЖЪ

1924

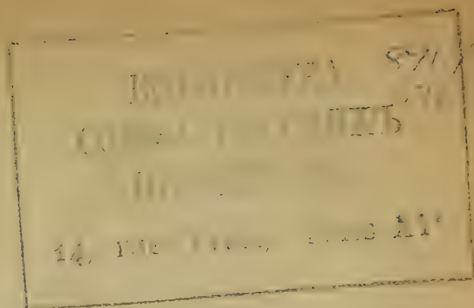
КОНЬ ВОРОНОЙ.

Savinkov

В. РОПШИНЪ (Б. САВИНКОВЪ).

КОНЬ ВОРОНОЙ.

Типографія «Франко-Русская Печать»
: 216, Boulevard Raspail, Paris :

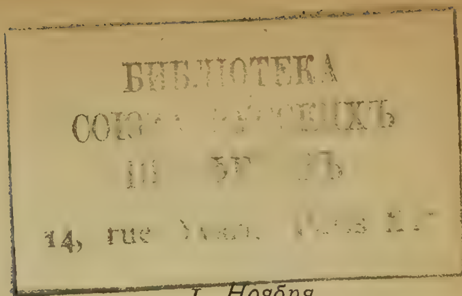
I.

«...И вотъ, конь вороной, и на немъ всадникъ, имѣющій мѣру въ рукѣ своей».

Откр. VI, 5.

«...Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ, и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, ибо тьма ослѣпила ему глаза».

Іоан. II, 11.

1. Ноября.

Очень хотѣлось спать, но я сдѣлалъ надъ собою усиліе и приказалъ привести Назаренку. Онъ вошелъ высокій, въ желтой кубанкѣ, и сталъ на порогѣ во фронтъ.

— Садись.

— Постою, господинъ полковникъ.

— Садись вотъ здѣсь, напротивъ меня.

Онъ для приличія потоптался у двери. Потомъ сѣлъ на краюшекъ стула.

— Ты рабочій Путиловскаго завода?

— Такъ точно.

— Я взялъ тебя на бронепоѣздѣ «Ленинъ»?

— Такъ точно.

— Что я сказалъ тогда? Повтори.

Онъ задумался и поднялъ глаза.

— Вы сказали, что каждый можетъ служить, кто не хочетъ, того разстрѣляютъ...

— Нѣтъ. Я сказалъ: кто хочетъ, служи, а кто измѣнитъ, того повѣшу... Такъ?

— Такъ точно.

— А теперь я знаю, что ты коммунистъ.

Онъ вздрогнулъ.

— Сознавайся, Кто еще въ комъячейкѣ?

— Не могу знать, господинъ полковникъ.

— А что съ тобой будетъ, знаешь?

— Воля ваша.

— Хорошо. Ординарцы!..

Онъ хотѣлъ что-то сказать и даже привсталъ со стула. Но вошли Егоровъ и Федя.

— Ординарцы! Полтораста плетей!

Когда его увели, я, не раздѣваясь, легъ на кровать. И сейчасъ же, въ темномъ туманѣ потонули и Назаренко, и длинный переходъ на морозѣ, и сосновый, запорошенный инеемъ боръ, и багрово-желтая дубовая роща, и скрипъ сѣделъ, и гнѣдая кобыла Голубка. Но за стѣною свистнуло и упало что-то, и сильно и равномѣрно сталъ содрогаться воздухъ.

— Господинъ полковникъ!

«Сорокъ два... Сорокъ три... Сорокъ четыре»... Сонъ прошелъ. Стало душно лежать здѣсь, въ жаркой комнатѣ, въ чужомъ домѣ, у незнакомаго и перепуганнаго попа. Въ сѣняхъ грубый голосъ сказалъ: «Ишь, ворочается... Нà-голову, Федя садись»... Это «работалъ» Егоровъ.

2 Ноября.

Егоровъ сѣдобородый крестьянинъ, псковичъ. Онъ староверъ, не куритъ, ѣстъ изъ своей посуды и строго соблюдаетъ законъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ онъ изъ ревности убилъ брата. Но это — «бабье дѣло», а въ бабьемъ дѣлѣ закона нѣтъ. Когда онъ поступилъ добровольцемъ, я спросилъ у него:

— За что ты ихъ ненавидишь?

— Кого?

— Коммунистовъ.

— Бѣсóвъ-то? А за что ихъ любить? Домъ сожгли и сына убили... Даже песъ жалѣетъ своихъ щенятъ... На кострахъ жарить ихъ надо.

— Да вѣдь бѣлые за помѣщиковъ.

— Такъ чего? Мы помѣщикамъ головы то открутимъ.

— Когда?

— А вотъ время придетъ.

Онъ дослужился до вахмистра и очень гордъ своимъ званьемъ. И когда Федя, смѣясь, говоритъ, что онъ въ прихвостняхъ у дворянъ, онъ сердито трясетъ сѣдой бородою:

— Язва. Отстань. Я не за баръ, — за Рассею.

За Россію... До войны онъ навѣрное говорилъ: «мы — скобари», и знать не хотѣлъ «калуцкихъ». А теперь на конѣ и съ винтовкой изгоняетъ изъ Россіи «бѣсóвъ».

3 Ноября.

Городишко, гдѣ мы стоимъ, убогъ и неряшливъ. Онъ утонулъ въ сыпучемъ пескѣ. Песокъ въ лѣсу, песокъ на дорогѣ, песокъ на улицахъ, песокъ на подушкѣ. Точно мы въ Аравійской пустынѣ. Но въ пустынѣ горячее солнце, а здѣсь меркнетъ свинцовый день,

вьется липкій осенній снѣгъ и по утрамъ морозъ щиплетъ пальцы. Мы въ лѣтнихъ шинеляхъ. У насъ нѣтъ валенокъ. Нѣтъ рукавицъ. Кто-то, мудрый, воруетъ въ тылу.

На городской площади изгнившіе тротуары, конскій навозъ и пыль. Бабы въ бѣлыхъ платкахъ, крестьяне въ бѣлыхъ тулупахъ. Евреевъ почти не видно. Евреи ушли въ лѣса, со стариками, женами и дѣтьми, съ коровами и домашнимъ скарбомъ. Мы не освободители въ ихъ глазахъ, а погромщики и убійцы. На ихъ мѣстѣ я бы тоже ушелъ.

Погромы, грабежи и насилія запрещены строжайшимъ приказомъ. За нарушеніе — смертная казнь. Но я знаю, что вчера во второмъ эскадронѣ играли въ карты на часы и на кольца; что ротмистръ Жгунъ разгромилъ еврейскую лавку; что у уланъ завелась валюта — американскіе доллара̀; что въ лѣсу нашли истерзанный женскій трупъ. Разстрѣливать? Двоихъ я уже разстрѣлялъ. Но вѣдь нельзя разстрѣлять половину полка.

Я пишу, а въ столовой хрипитъ граммофонъ. Онъ хрипитъ, захлебывается и снова хрипитъ, точно жалуется на свою машинную немощь. Я слышу, какъ Федя долго возится, починяя его, и наконецъ съ ожесточеніемъ плюетъ. Потомъ начинаетъ негромко:

Полюбили сгоряча
Русскіе рабочіе
Троцкаго и Ильича,
И все такое прочее...

4 Ноября.

Федя художникъ. Въ свободное отъ «занятій» время, онъ рисуетъ «картинки». Одну изъ такихъ «картинокъ» онъ принесъ мнѣ сегодня. Онъ написалъ свой портретъ. Тѣ же волосы огненно-рыжаго цвѣта, тотъ же сплюснутый носъ, тѣ же смущающіе глаза: одинъ мертвый, выбитый пулей, другой прищуренный, веселый и быстрый. Онъ не въ нашей, а въ англійской шинели, но съ кубиками и пятиконечной звѣздой. Подписано: «Комиссаръ Федоръ Федоровъ, товарищъ Мошенкинъ».

Онъ залюбовался своимъ искусствомъ. Онъ не въ силахъ оторвать восхищеннаго взгляда. Если бы онъ зналъ исторію, онъ бы вообразилъ себя Неемъ или Даву. На самомъ дѣлѣ, онъ бывшій бакалейный торговецъ, Владимірскій мѣщанинъ. Налюбовавшись, онъ говоритъ:

— Граммо-граммо-граммофонъ... Пате-пате-патефонъ... А нельзя ли на выставку, господинъ полковникъ, послать?

5 Ноября.

Я приказалъ осѣдлать Голубку и выѣхалъ въ поле. Застоявшаяся кобыла весело бѣжала размашистой рысью, звонко цокая по дождевымъ лужамъ. День былъ ненастный и теплый. Со свистомъ носился вѣтеръ. Разорванныя, черно-лиловыя облака низко опускались на землю.

Я люблю просторъ широкихъ полей. Я люблю синеву далекаго лѣса, оттепель и болотный туманъ. Здѣсь, въ поляхъ, я знаю, знаю всѣмъ сердцемъ, что я русскій, потомокъ пахарей и бродягъ, сынъ черноземной, напоенной пóтомъ, земли. Здѣсь нѣтъ и не нужно Европы — скупого разума, скудной крови и измѣренныхъ, исхоженныхъ до конца дорогъ. Здѣсь — «не бѣлы снѣги», безразсудство, буйство и бунтъ.

Я остановился на берегу Березины и пѣшкомъ пошелъ вдоль рѣки. Она струилась спокойная и глубокая. Ея пустынныя воды сверкали инеемъ ломкаго льда. Слезился ржавый кустарникъ, нога скользила въ мокрой травѣ, и Голубка, мягко ступая, тыкалась мнѣ мордой въ плечо. Я слышалъ ея дыханіе и мнѣ казалось, что и она, и нависшее небо, и Березина, и шуршащій тростникъ, и я, — одно нераздѣлимое цѣлое, единый, замкнутый и непознаваемый, міръ... И мнѣ вспомнилась Ольга. Она вспомнилась мнѣ такой, какою я видѣлъ ее когда-то, въ Москвѣ, — въ бѣломъ платьѣ и соломенной шляпѣ. Гдѣ Ольга? Что съ нею?

6 Ноября.

Россія — Ольга, Ольга — Россія. Если не будетъ Ольги, моя влюбленность въ Россію потеряетъ свою глубину. Если не будетъ Россіи, моя любовь къ Ольгѣ утратитъ всеобъемлющій смыслъ. Жить въ Россіи безъ Ольги все равно, что влачиться съ Ольгой въ

изгнанiи, — влачиться на «поломанныхъ крыльяхъ», дрожа и «прижавшись къ праху».

7 Ноября.

Вчера у меня въ саду повѣсили Назаренку. Онъ не сознался. Онъ, какъ звѣрь, отлеживался на кухнѣ. Вѣрилъ ли онъ, что умретъ?

Былъ восьмой часъ утра. Всходило холодное солнце. За-ночь выпалъ пушистый снѣгъ и замелъ песокъ на дорожкахъ. Назаренко вышелъ съ Егоровымъ на крыльцо. Потомъ, поеживаясь и жмурясь, сталъ подъ березу. На березѣ, на до-гола обнаженномъ суку, верхомъ сидѣлъ Федя. На улицѣ молча толпились уланы.

— Начинай.

Назаренко глубоко вздохнулъ. Онъ былъ безъ шапки, въ короткой, бѣлой, разстегнутой на шеѣ, рубахѣ. Егоровъ толкнулъ его въ бокъ.

— Лобъ то... Лобъ то перекрести, сукинъ сынъ.

Я видѣлъ, какъ быстро, быстро задвигались пальцы и зашевелились синiя губы. И я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ услышалъ:

— Господинъ... Господинъ полковникъ!..

Но Егоровъ угрюмо сказалъ:

— Даже помереть не умѣешь. На что крестишься?.. Крестись на восходъ.

Федя накинулъ веревку. Подогнулись худыя колѣни и голова опустилась внизъ. Повисло длинное,

безсильное тѣло. Федя спрыгнулъ, дернулъ за-ноги и закричалъ на уланъ:

— Чего не видѣли? Расходись!..

8 Ноября.

Поручикъ Вреде гусаръ, провелъ всю войну на фронтѣ, ходилъ на проволоку въ конномъ строю, былъ раненъ и заслужилъ Георгіевскій крестъ. Коммунисты посадили его въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ бѣжалъ. Онъ командуетъ вторымъ эскадрономъ.

Каждый вечеръ онъ приходитъ ко мнѣ, садится на турецкій диванъ и куритъ. Онъ совсѣмъ еще мальчикъ, бѣлокурый, съ розовыми щеками и дѣтскимъ пухомъ вмѣсто усовъ.

— Юрій Николаевичъ, почему мы стоимъ въ этой дырѣ?

— Приказано.

— А скоро пойдемъ впередъ?

— Когда прикажутъ.

Онъ хмуритъ тонкія брови.

— Надоѣло.

— Идите одинъ.

— Вы всегда надо мной смѣетесь.

— Смѣюсь? Богъ съ вами, Вреде... Если бы мнѣ надоѣло, я бы ушелъ.

— Куда?

— Въ лѣсъ.

Скудѣетъ день, загорѣлись первыя звѣзды. За окномъ морозная ночь. Вреде ходитъ изъ угла въ уголъ,

— Насъ было три сестры и два брата, и отецъ, генералъ. Мать скончалась давно. Было у насъ имѣніе, усадьба подъ Ригой. Отца разстрѣляли, старшій братъ убитъ на Кавказѣ, а о сестрахъ я ничего не знаю. Имѣніе разгромили, конечно... Ну, вотъ... Отца и брата я имъ простить не могу...

— У Назаренки тоже, навѣрное, есть братъ.

— У Назаренки?.. Такъ вѣдь онъ коммунистъ.

— А вы бѣлый?

— Да, бѣлый. Я за Россію.

Я улыбаюсь:

— И за усадьбу?

— За усадьбу? Нѣтъ... Чортъ съ нею, съ усадьбой. Я не горюю: пусть разживаются мужики.

Федя вноситъ зажженную лампу. Погасли звѣзды въ окнѣ, запахло махоркой и керосиномъ. Федя прикручиваетъ фитиль и говоритъ, вытирая жирные пальцы о скатерть:

— И разживутся, и попользуются, господинъ поручикъ... Ужъ такой, стало быть, вороватый народъ...

9 Ноября.

У Егорова сожгли домъ и убили сына. У Вреде убили отца. У Феди убили мать. Я понимаю за что они ненавидятъ. Но за что ненавижу я?

У меня нѣтъ дома и нѣтъ семьи. У меня нѣтъ утратъ, потому что нѣтъ достоянія. И я ко многому равнодушенъ. Мнѣ все равно, кто именно ѣздитъ къ Яру,

— пьяный великій князь или пьяный матросъ съ серьгой: вѣдь дѣло не въ Ярѣ. Мнѣ все равно, кто именно «обогащается», то есть воруетъ, — царскій чиновникъ или «сознательный коммунистъ»: вѣдь не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ. Мнѣ все равно, чья именно власть владѣетъ страной, — Лубянки или Охраннаго Отдѣленія: вѣдь кто сѣетъ плохо, плохо и жнетъ... Что измѣнилось? Измѣнились только слова. Развѣ для суеты поднимаютъ мечъ?..

Но я ненавижу ихъ. Въ распояску, съ папиросой въ зубахъ, предали они Россію на фронтѣ. Въ распояску, съ папиросой въ зубахъ, они оскверняютъ ее теперь. Оскверняютъ бытъ. Оскверняютъ языкъ. Оскверняютъ самое имя: русскій. Они кичатся тѣмъ, что не помнятъ родства. Для нихъ родина — предразсудокъ. Во имя своего копеечнаго благополучія они торгуютъ чужимъ наслѣдіемъ, — не ихъ, а нашихъ отцовъ. И эти твари хозяйничаютъ въ Москвѣ...

Если вошь въ твоей рубашкѣ
Крикнетъ тебѣ, что ты блоха,
Выйди на улицу —
И убей!

10 Ноября.

Москва... Москва начало и конецъ моей жизни. Безъ Москвы, безъ ея кривыхъ переулковъ, Христа Спасителя, Арбата и Кремлевскихъ воротъ, безъ ея богатства, славы, униженія и нищеты, нѣтъ родины, а значитъ нѣтъ и меня. «Горятъ кресты на церквахъ,

скрипятъ по снѣгу полозья. По утрамъ морозъ, узоры на окнахъ и у Страстного монастыря звонятъ къ обѣднѣ. Я люблю Москву. Она мнѣ родная».

Вѣрю ли я въ побѣду? Въ тылу тупоуміе, взятки и воровство, — слѣпорожденныя мыши. На фронтѣ тупоуміе, доблесть, разбой, — не воины въ бѣлыхъ одеждахъ, а двойники своихъ же враговъ. Я боюсь, что настанетъ день, и мы, какъ стадо овецъ, метнемся обратно. Метнемся, потому что корыстно любимъ Москву.

11 Ноября.

Слава Богу, мы выступаемъ. Изъ штаба арміи получено приказаніе идти на Грабово и Бобруйскъ. Я велѣлъ отслужить молебенъ. Гололедица. Сѣетъ дождь. Снѣгъ растаялъ на мостовой и смѣшался съ желтымъ пескомъ. Бурая грязь налипаетъ на сапоги, липнетъ въ рукахъ кубанка. Священникъ вяло бормочетъ: «О мирѣ всего міра и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся»..., и Федя въ мокрой шинели тянетъ вмѣсто дьячка: «Господи помилуй, Господи помилуй, Господи поми-луй»... Уланы крестятся. Многіе стоятъ на колѣняхъ. Одинъ Егоровъ остался дома. Онъ согрѣшитъ, если будетъ молиться съ нами: мы «нехристи» и «еретики».

12 Ноября.

Входитъ Вреде. Онъ взволнованъ. Голосъ его дрожитъ:

— Юрій Николаевичъ, что же это такое? Я больше такъ не могу. Что мы, погромщики, въ самомъ дѣлѣ?.. Вы знаете, что случилось?

— Что?

— Жгунъ застрѣлилъ еврея.

— Изъ за чего?

— Изъ за денегъ.

Ротмистръ Жгунъ храбрый и исполнительный офицеръ. Но онъ грабитель. Онъ не говоритъ «ограбилъ» или «укралъ», а говоритъ «покупилъ». Покупилъ шубу, покупилъ кольцо, покупилъ сапоги. Это же слово повторяютъ за нимъ уланы. Пока не было крови, я закрывалъ поневолѣ глаза. Но сегодня дѣло другое. Я выхожу на крыльцо.

— По кóнямъ!

Федя подаетъ мнѣ Голубку. Я трогаю ее шагомъ къ первому эскадрону. Впереди, на высокомъ, сѣромъ въ яблокахъ, жеребцѣ, ротмистръ Жгунъ. Я узнаю высокаго жеребца: онъ взятъ въ бою у краснаго офицера.

— Ротмистръ Жгунъ!

— Я.

У него добродушное, красное, съ рыжими усами лицо. Ему лѣтъ 40. Онъ изъ вахмистровъ царской службы.

— Вы убили еврея?

— Такъ точно.

— За что?

— Да вѣдь жидъ, господинъ полковникъ...

— Я спрашиваю: за что?

Онъ побагровѣлъ, но не произноситъ ни слова. Я говорю трубачу:

— Трубачъ, за что ротмистръ Жгунъ застрѣлилъ еврея?

Трубачъ потупился: боится начальства. Но я настаиваю:

— Я приказываю тебѣ. Отвѣчай.

— За часы, господинъ полковникъ.

— Вы слышали, ротмистръ Жгунъ?

Онъ молчитъ. Онъ «ѣстъ» меня по солдатски глазами... Тогда я говорю:

— Разстрѣлять.

Я поворачиваю Голубку. И я не вижу, но знаю, что Егоровъ и Федя уже стаскиваютъ его съ сѣдла и ставятъ тутъ же, у поповскаго дома, къ стѣнѣ. Я жду. Я жду недолго. Трещатъ два выстрѣла. Я командую:

— Справа по три. За мной! Шагомъ... ма-аршъ!

13 Ноября.

Я помню: я познакомился съ Ольгой случайно. Я шелъ по Петровскому парку. Былъ одинъ изъ тѣхъ хромоногихъ дней, когда тревожитъ ненужная память и не смываются «печальныя строки». Я встрѣтилъ дѣвушку. Она спросила дорогу. Мы долго шли рядомъ. Я молчалъ. Я молчалъ потому что мнѣ было жутко,—жутко моей сердечной тоски. А потомъ... Потомъ я наклонился къ ней и взялъ ея руку. Но она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза такъ довѣрчиво и

такъ ясно, что я смутился. И въ смущенiи зародилась любовь.

14 Ноября.

Просѣка. Лѣсная дорога. Кругомъ густой и частый, дремучiй боръ. Не скрипнетъ ель, не дрогнетъ подгнившiй сучекъ, не хрустнетъ, падая, вѣтка. Пофыркиваютъ негромко кони, и гулко и ровно постукиваютъ сотни копытъ. Изрѣдка Федя, закуривая, чиркаетъ спичкой. Изрѣдка я вполголоса говорю: «Подъ-ноги налѣво... Подъ-ноги направо»..., и взводные повторяютъ мою команду. Такъ мы идемъ съ утра, 1-ый Уланскiй полкъ. Идемъ къ Березинѣ.

Разступились темно-зеленыя ели и потянулось проржавленное болото. Кое-гдѣ, среди колючей травы, еще алѣетъ брусника. На болотѣ пасется стадо. Мычатъ коровы. Пастухъ въ дырявомъ тулупѣ тупо смотритъ намъ вслѣдъ.

— Откуда?

— Изъ Бухчи.

— Есть въ Бухчѣ красные?

— А можетъ и есть...

— Много?

— А можетъ и много...

Онъ снялъ картузъ и лѣниво скребетъ въ затылкѣ. Ему все равно — бѣлые или красные, царь или мы, или коммунисты. Для него всѣ чужiе, всѣ незванные гости. Онъ родился въ лѣсу, въ лѣсу и умретъ. Федя, шутя, замахивается нагайкой:

— Пошелъ вонъ, лѣсовикъ!..

15 Ноября.

Въ Бухчѣ не было красныхъ. Я приказалъ созвать сходъ. У церкви собралось человѣкъ пятьдесятъ мужиковъ, много бабъ и еще больше мальчишекъ. Я старался имъ объяснить кто мы и во имя чего воюемъ. Они слушали внимательно, но угрюмо. Я чувствовалъ, что они мнѣ не вѣрятъ: въ ихъ глазахъ я былъ баринъ. И когда я заговорилъ о землѣ, меня сразу прервало нѣсколько голосовъ:

— А почему у васъ генералы?

— А почему съ вами паны?

— А почему не плотите за подводы?

Что могъ я отвѣтить? Да, въ тылу у насъ царскіе генералы. Да, помѣщики тянутся, какъ піявки, за нами. Да, въ арміи идетъ воровство... Меня выручилъ изъ бѣды Егоровъ. Онъ протискался сквозь толпу и огромный, сѣдобородый, похожій на раскольничьяго попа, загремѣлъ, показывая корявый палецъ:

— Это что, огурецъ или палецъ? Палецъ... А я кто? Баринъ или мужикъ? Мужикъ... Такъ чего зубы то заговаривать? Бери, ребята, винтовки! Бей ихъ! бѣсо́въ! Бей бѣсо́въ окаянныхъ, комиссаровъ и баръ!.. Довольно поцарствовали надъ нами!.. Правильно ли я говорю?..

— Перекрестись, что противъ пановъ,

Егоровъ снялъ кубанку и перекрестился на церковь.

— Бумагу написать можешь?

— Могу.

— А печатку приложить можешь?

— Могу.

Толпа зашумѣла. Особенно горячились бабы. Я не дождался конца и вернулся въ халупу. А вечеромъ Федя мнѣ доложилъ, что деревня даетъ семь человѣкъ добровольцевъ. Доложивъ, онъ остановился въ дверяхъ.

— Нестоющее это дѣло, господинъ полковникъ.

— Почему?

— Да убѣгутъ мужиченки эти. Развѣ имъ возможно не убѣжать? Вѣдь Егоровъ навралъ: неизвѣстно за что воюемъ.

17 Ноября.

Въ лѣсу и въ полѣ, вечеромъ, ночью и днемъ, меня не покидаетъ острая мысль, — мысль объ Ольгѣ. Позвякиваетъ стремя о стремя, Голубка проситъ поводьевъ, оступается и снова мягко шагаетъ, а передо мной встаетъ Ольга. Блестятъ голубые глаза, разсыпались русыя косы. Она, смѣясь, играетъ въ горѣлки. Горѣлки... Какое наивное, навѣки забытое слово... Гдѣ Ольга? Въ тюрьмѣ? Въ подвалахъ Лубянки? Въ рукахъ у пьянаго комиссара?.. Я не могу, я не смѣю думать. Огонь обжигаетъ лицо и мутится буйно въ глазахъ.

18 Ноября

Березина оледенѣла. Сверкаетъ звонкій, голубоватый ледъ. Выше, вверхъ по теченію, широкая по-

лынья, — говорливыя и рѣзвыя струи. Садясь на заднія ноги, ощупью спускается съ крутизны Голубка. У рѣки она нюхаетъ воздухъ и пятится въ испугѣ назадъ. Но я поднимаю хлыстъ. Она храпитъ и дѣлаетъ быстрый скачекъ.

Выѣхавъ на луговой берегъ, я обернулся. Веселою вереницей переправляется полкъ. Уланы въ желтыхъ кубанкахъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ до шпоръ и съ винтовками за плечами, осторожно ведутъ некованныхъ лошадей. Впереди трубачъ Барабошка, тотъ самый котораго я спросилъ о Жгунѣ. Его лошадь скользитъ и падаетъ на колѣни. Она безпомощно бьется на льду, а Барабошка хохочетъ, какъ сумасшедшій. Смѣюсь и я. Я не знаю, чему я смѣюсь. Но такъ безпорочно раннее утро, такъ прозраченъ морозный воздухъ, такъ разноголоса пробудившаяся рѣка, такъ бодры кони и такъ привѣтливы люди, что я, какъ мальчикъ, радуюсь жизни. Жить — не думать, не знать, не помнить...

Полкъ собирается на лугу. Я выстраиваю его походной колонной. Раздается беззаботная пѣсня. Уланы поютъ «Олега».

19 Ноября.

Федя подаетъ мнѣ бинокль.

— Вотъ они, господинъ полковникъ.

Я вижу: въ сизой мглѣ колышатся тѣни. Ихъ много. Они двигаются по Бобруйскому тракту. Это красные. Неужели они принимаютъ насъ за своихъ?

— Въ атаку! Въ карьеръ!

Засвистѣлъ и рѣзнулъ лицо воздухъ, напряглась и выбросилась впередъ Голубка. Низко наклоняясь къ лукѣ, я обнажилъ саблю. Справа и слѣва быстрый топотъ копытъ, короткіе вскрики и выстрѣлы, — не щелканье ли бичей? Какъ во снѣ промелькнулъ Егоровъ. Взвизгнуло острое лезвіе, что то охнуло и что то упало... Я пришелъ въ себя, когда окончился бой. И когда я пришелъ въ себя, я замѣтилъ, что къ далекому лѣсу, по вспаханной и мерзлой землѣ, спотыкаясь бѣжитъ человѣкъ. Онъ бѣжалъ безъ винтовки, закрывая руками затылокъ. За нимъ тяжелымъ галопомъ скакалъ одинъ изъ нашихъ уланъ. Я узналъ взводнаго Жеребцова. Я опять пустилъ Голубку въ карьеръ.

Я догналъ ихъ уже на опушкѣ. Блеснула сабля, очертила звенящій кругъ. Красноармеецъ, пригнувшись, бросился въ ельникъ. Я взглянулъ на него, на этого русскаго, въ шлемѣ съ красной звѣздой, мужика, и мною овладѣло незнакомое чувство. Я крикнулъ:

— Опусти руку!

Жеребцовъ злобно, всѣмъ тѣломъ, повернулся ко мнѣ.

— Опусти! А ты... А ты, еловая голова, иди за мною...

Красноармеецъ сперва не понялъ. Потомъ поднялъ испуганные глаза. Потомъ крестясь, и путаясь, и снова крестясь, забормоталъ невнятной скороговоркой:

— Вотъ спасибо... Вотъ такъ спасибо... Вотъ такъ ужъ на самомъ дѣлѣ спасибо...

20 Ноября.

«Не убій!»... Когда то эти слова пронзили меня копьемъ. Теперь... Теперь они мнѣ кажутся ложью. «Не убій», но всѣ убиваютъ вокругъ. Льется «клюквенный сокъ», затопляетъ даже до уздъ конскихъ. Человѣкъ живетъ и дышетъ убійствомъ, бродитъ въ кровавой тьмѣ и въ кровавой тьмѣ умираетъ. Хищный звѣрь убьетъ, когда голодъ измучитъ его, человѣкъ — отъ усталости, отъ лѣни, отъ скуки. Такова жизнь. Таково первозданное, не нами созданное, не нашей волей уничтожаемое. Къ чему же тогда покаяніе? Для того, чтобы люди, которые никогда не посмѣютъ убить и трепещутъ передъ собственной смертью, празднословили о заповѣдяхъ завѣта?.. Какой кощунственный балаганъ.

21 Ноября.

Мы съ боями идемъ впередъ. Вчера мы два раза ходили въ атаку. Раненъ командиръ перваго эскадрона, ранено человѣкъ десять уланъ и убитъ трубачъ Барабошка. Онъ былъ тоже «скобарь», землякъ Егорова, заклятый врагъ коммунистовъ. Онъ всегда былъ доволенъ, даже когда нечего было ѣсть, даже когда люди отъ усталости засыпали на сѣдлахъ. — «Тяжело Барабошка?» — «Никакъ нѣтъ, намъ скопскимъ капъ што»... Въ деревнѣ у него остался отецъ, суровый и благочестивый крестьянинъ. Отецъ и приказалъ ему идти въ добровольцы.

Мы похоронили Барабошку въ лѣсу. Уланы наскоро пропѣли «вѣчную память» и поставили березовый крестъ. Когда стукнулъ послѣдній комъ глины, Федя, нахмурясь, сказалъ:

— Жилъ грѣшно и умеръ смѣшно.

— Почему смѣшно, Федя?

— Да вѣдь не отъ чужой, а отъ русской пули.

22 Ноября.

Ночью меня разбудилъ Федя.

— Вставайте, господинъ полковникъ, вставайте!

— Въ чемъ дѣло?

— Уже ура кричатъ, господинъ полковникъ...

Я мало вѣрю въ ночныя атаки. Но дѣлать нечего: я нехотя одѣваюсь. На улицѣ тьма. Ни зги. Настойчиво стучатъ у околицы пулеметы. Больше ни звука. Я спрашиваю:

— Кто же кричитъ ура?

— Виноватъ, господинъ полковникъ.

Федя не трусъ, но не лучше труса. У него испорченное воображеніе. Ему мерещится то, чего нѣтъ. Замѣчаетъ ли онъ то, что есть?.. Ему стыдно. Онъ говоритъ:

— Вѣдь такъ и лѣзутъ съ одиннадцати часовъ...

Пусть «лѣзутъ»... Я захожу посмотрѣть Голубку. Она почувствовала меня и обернулась въ темномъ сараѣ, — сверкнула скошеннымъ глазомъ. Я ласкаю ея упругую грудь, ея гибкую шею. Она проситъ са-

хара — ищетъ горячими губами ладонь. Но сахара нѣтъ. Все еще стучатъ пулеметы. За моей спиной покорно вздыхаетъ Федя.

24 Ноября.

Развѣ это война? Красные сдаются почти безъ боя. Вчера мы взяли батарею — четыре орудія, сегодня два пѣхотныхъ полка. Федя хвалится: — «Такъ и Ставку ихнюю голыми руками возьмемъ». Егоровъ останавливаетъ его: — «Не мели. Воля Божья... О себѣ пекись. Какъ бы не забрали тебя»... Но я спокоенъ: Федю не заберутъ.

Холодно. Свищетъ вѣтеръ. Воетъ и разыгрывается мятель. Вреде выстроилъ плѣнныхъ въ полѣ. Онъ командуетъ:

— Смирно!

Восемьсотъ, одѣтыхъ въ военную форму, крестьянъ впивается мнѣ въ лицо. У всѣхъ одинъ и тотъ же, напряженный и недовѣрчивый, взглядъ. Они озябли, держатъ руки по швамъ и готовятся къ смерти. Федя спрашиваетъ:

— Прикажете тачанки подать?..

Тачанки... Нѣтъ, я не разстрѣлялъ никого. Я предложилъ желающимъ вернуться въ Бобруйскъ, желающимъ записаться къ намъ. И я сказалъ, что каждый воленъ идти домой.

Они не поняли. Кружилась снѣжная пыль, таяла и забивалась за воротникъ. Я ушелъ. Они все еще ждали. Ждали чего? Тачанокъ?...

25 Ноября.

Къ плѣннымъ я послалъ Егорова и «мужиченковъ» изъ Бухчи. Я не знаю, о чемъ они говорили. Вѣроятно опять о панахъ, о землѣ, о подводахъ, о генералахъ. Но къ вечеру у насъ составился новый добровольческій полкъ, — 1-ый Партизанскій, пѣхотный. И теперь во мнѣ живетъ звѣриное чувство: я хочу драться. Драться, даже если нельзя побѣдить.

26 Ноября.

Я люблю Ольгу. Любитъ ли Ольга меня? Я впервые задаю себѣ этотъ вопросъ. Тамъ, въ Москвѣ, я зналъ, что она не можетъ меня не любить. Какая женщина устоитъ противъ любви? Какая женщина не истомится и не взволнуется страстью? Чье сердце выдержитъ самоубійственный поединокъ?.. Но вѣдь теперь между нами даже не бездна, а колодецъ ея. Колодецъ бѣдствій, тревогъ, несчастій и пораженій. Не тюрьма и не Лубянка страшны. Я сожгу тюрьму и взорву Лубянку... Страшна нераздѣленная жизнь.

27 Ноября.

Я написалъ на клочкѣ бумаги: «Начальнику Бобруйскаго гарнизона. Приказываю вамъ сдать немедленно городъ. Въ случаѣ неисполненія сего при-

казанія, я васъ повѣшу. Деревня Микашевичи. Подпись». Эту записку я передаю перебѣжчику. Молодой солдатъ въ шлемѣ улыбается и прячетъ ее за рукавъ.

— Ничего больше, товарищъ?

— Ничего.

— Счастливо оставаться, товарищъ.

Для него я «товарищъ», а не «господинъ полковникъ» и ужъ, конечно, не «Его Благородіе». Вреде не признаетъ этихъ «коммунистическихъ новшествъ». Онъ не можетъ понять, что онъ давно не Его Величества лейбъ-гусаръ, а такой же доброволецъ, какъ Федя. «Товарищъ» звучитъ для него оскорбленіемъ. Мнѣ все равно: лишь бы сдался Бобруйскъ, лишь бы сдѣлать еще одинъ, пусть обманчивый, шагъ къ Москвѣ... Мнѣ приказано ждать. Тѣмъ хуже. Завтра я наступаю.

28 Ноября.

Цѣлый день длился бой. Грохотали орудія, раз рывались, взметая землю, гранаты, звенѣла и таяла въ голубыхъ небесахъ шрапнель. Я смотрѣлъ въ бинокль, какъ на окрестныхъ холмахъ перебѣгали за березами люди, и падали подъ нашимъ огнемъ. Не люди, а игрушечные солдаты. Игрушечная шашка, какъ спичка; игрушечная винтовка, какъ карандашъ; игрушечный разрывъ, какъ дымъ папиросы. А когда мы взяли холмы, на истоптанной прошлогодней травѣ валялись шапки, сумки, шинели. Федя поднялъ

одну, офицерскую, подбитую мѣхомъ. Она была испачкана кровью. Онъ счистилъ ножикомъ кровь и надѣлъ шинель въ рукава. Уланы мерзнутъ и завидуютъ Федѣ: «ординарцамъ всегда везетъ». Но сегодня везетъ и имъ: люди сыты и у лошадей есть овесъ.

29 Ноября.

Мы вошли въ Бобруйскъ на вечерней зарѣ. Садится круглое, багровое солнце. На гулкихъ улицахъ ни души. Чернѣютъ заколоченные дома и четко, иглами, торчатъ фабричныя трубы. На главной площади, на канатѣ, два источенныхъ дождями, портрета: Ленинъ и Троцкій. Егоровъ саблей разрубаетъ канатъ.

Мы побѣдили. Но во мнѣ нѣтъ радости, знакомаго опьяненія: русскіе побѣдили русскихъ. На стѣнѣ бѣлѣется прокламація. Я срываю ее. Въ ней говорится о насъ — «разбойникахъ» и «бандитахъ». И я спрашиваю себя: братъ на брата или клопъ на клопа?

30 Ноября.

Взводный Жеребцовъ дѣлаетъ мнѣ докладъ:

— Такъ что взяли насъ, господинъ полковникъ, подъ Микашевичами, въ разъѣздѣ, — Кучеряева, Карягина и меня. Привезли въ Бобруйскъ, потащили въ Че-ку. Въ Че-кѣ не комиссаръ, а толстая баба, содкомъ. Во френчѣ и въ галифахъ. Въ рукѣ у нея но-

ганъ. Взглянула на Кучеряева, говоритъ: — «Ползи на колѣняхъ». Кучеряевъ поползъ. Она трахъ изъ нагана. Потомъ Карягину: — «А теперь ползи ты». Карягинъ туда-сюда, а въ дверяхъ чекисты стоятъ, смѣются. Нечего дѣлать. Поползъ. Она снова трахъ. Уволокли чекисты обоихъ, а она ко мнѣ повернулась и ласково такъ говоритъ: — «Какъ тебя звать, товарищъ»? — «Василій». — «Ну что-жъ, покури, товарищъ Василій»..., и папиросу даетъ. Взялъ я папиросу, курю. А она меня подозвала къ себѣ и руки на плечи положила: — «Ты вѣдь все мнѣ разскажешь, товарищъ Василій?... Сколько у васъ коней, орудій, винтовокъ»... Я ей было пушку залить хотѣлъ, а она какъ закричитъ на меня: — «Врешь! Правду говори, сукинъ сынъ!»... — «Не могу знать» — говорю. — «А такъ ты такъ?.. Всыпать ему пятьдесятъ!.. Всыпали. —«Ну?..» Я молчу. Она встала со стула и разъ меня хлыстомъ по щекѣ. Искровянила все лицо. — «Увести его. Всыпать еще полсотни, а потомъ на сосиски»... Увели меня въ паку, ѣсть и пить не даютъ, измываются только: — «Ты» — говорятъ — «Іуда, продался господамъ»... А тутъ вы подошли и, слава Богу, освободили... Она, съ комиссаромъ, сказываютъ, до сихъ поръ укрывается здѣсь. Тетерины ихъ фамилія.

1 Декабря.

Егоровъ отыскалъ комиссара, но жены его не нашелъ. Тетеринъ прятался въ еврейской семьѣ, подъ

периной. Въ наказанье Егоровъ выпустилъ изъ перины пухъ, разбилъ окна и изломалъ грошевую мебель, — «побаловался немного». Тетерина повѣсили утромъ. Вѣшалъ, конечно, Федя. Онъ нарочно долго возился съ петлей, мылилъ веревку, уходилъ и не торопился возвращаться обратно. Теперь Федя выпилъ водки и пообѣдалъ. Онъ въ сѣняхъ бренчитъ на гитарѣ:

Разстрѣляли сгоряча
Русскіе рабочіе
Троцкаго и Ильича
И все такое прочее...

2 Декабря.

Я сказалъ: нераздѣленная жизнь... Я иду своею дорогой, Ольга своимъ, невѣдомымъ мнѣ, путемъ. Надъ нами разное небо, подъ нами не одна и та же земля. Она дышетъ Москвой, я — моей любовью къ Москвѣ. Она живетъ настоящимъ, я — будущимъ, если не прошлымъ. Можетъ быть, я сталъ ей чужимъ, потому что далекимъ. Можетъ быть, на ея суровые дни уже легла иная, темная, тѣнь... Но я вѣрю: «Большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ея, ибо любовь крѣпка, какъ смерть».

3 Декабря.

Изъ штаба арміи пріѣхалъ полковникъ Мейеръ. Блестятъ серебрянные погоны, улыбается выхоленное

лицо. Онъ куритъ сигару и говоритъ о штабныхъ новостяхъ. Я только и слышу: «Его Превосходительство... Его Высокопревосходительство... Господинъ Министръ... Баронъ... Камергеръ»... И потомъ: «Блокъ.. Соглашеніе... Лѣвые... Правые... Парижъ... Японія... Америка...» Онъ доволенъ, что въ «курсѣ событій» и что находится близко къ «центру». Докуривъ, онъ озабоченно наклоняется черезъ столъ:

— Какъ же такъ, дорогой?.. Вы вѣдь, кажется, безъ приказа перешли въ наступленіе?

— Да, безъ приказа.

— Ай, ай,ай... Развѣ можно? Вы знаете, Командармъ недоволенъ... Я то понимаю, все понимаю и высоко цѣню, но, однако, по диспозиціи...

— Какой диспозиціи?

— Какъ какой?.. — онъ надѣваетъ пенснэ и съ недоумѣніемъ разглядываетъ меня. — По диспозиціи вы должны были ждать въ Микашевичахъ.

— Ждать кого?

— Его Превосходительство Командарма.

Мнѣ надоѣло его пенснэ, надоѣлъ его приторный голосъ. Мнѣ надоѣли штабы, министры и генералы. Но я сдерживаю себя. Могу ли я подать примѣръ ослушанія? И я, какъ ученикъ, говорю:

— Виноватъ, господинъ полковникъ.

4 Декабря.

Вреде обидѣлся за меня. Онъ долго ходитъ изъ

угла въ уголъ. Потомъ садится. Потомъ закуриваетъ и, наконецъ, говоритъ:

— Юрій Николаевичъ, гоните ихъ въ шею.

— Кого?

— Да штабныхъ этихъ... Только мѣшаютъ. Если бы не они, мы бы были уже въ Москвѣ.

— Вы противъ арміи?

Онъ сконфузился и молчитъ.

— Противъ арміи, но за Его Высочество Великаго Князя?

— За царя? Кто вамъ сказалъ, что я за царя? Я ни за кого. Я не занимаюсь политикой. Я солдатъ. Я никогда не признàю «похабнаго» мира и никогда не сниму погонъ. А на остальное мнѣ наплевать.

Онъ горячится. Онъ чувствуетъ, что въ чемъ то неправъ, но не можетъ осмыслить ошибки. Я улыбаюсь:

— Ахъ, Вреде, Вреде... Хорошо быть гусарскимъ корнетомъ, звенѣть шпорами, ужинать у Кюба и ухаживать за дамами въ Павловскѣ. Хорошо также рубить въ атакѣ венгерскую кавалерію... Но плохо быть даже не бѣлымъ, а просто «бандитомъ», воевать въ медвѣжьихъ углахъ, рядомъ съ Федей, противъ Тетериныхъ, подъ начальствомъ какого-то Мейера... Этимъ и исчерпана революція? Да?

Онъ сердится и уходитъ. Честный и храбрый мальчикъ. За что онъ отдаетъ свою жизнь?

5 Декабря.

Сегодня трескучій морозъ. Стынетъ дымъ, цѣпенѣетъ дыханіе. Галки, замерзая, падаютъ на лету... Я живу у мадамъ Миньковичъ. Въ низкой «залѣ» тепло и пахнетъ жаренымъ лукомъ. Мебель въ сѣрыхъ чехлахъ, въ углу запыленная пальма и подъ зеркаломъ, на столѣ, большой фамильный альбомъ. Въ альбомѣ мѣстечковые «коммерсанты» и молодые люди американскаго типа, — племянники изъ Нью-Іорка. Мадамъ Миньковичъ боится погрома. Она произвела меня въ генералы, кормитъ Федю фаршированной щукой и по вечерамъ, чтобы я «не скучалъ» усердно играетъ Шопена. Мнѣ странно слышать любимые вальсы, здѣсь, почти въ гостинницѣ, почти на вокзалѣ. Ольга играла ихъ... Увижу ли я ее? Или такъ, въ одинокихъ скитаніяхъ, и окончится моя жизнь?

6 Декабря.

Егоровъ рыщетъ по городу. Онъ не ѣстъ и не спитъ. Онъ обыскалъ еврейскія лавки, перерылъ дворы, подвалы и чердаки и даже заглянулъ на кладбище и въ соборъ. Онъ мраченъ и говоритъ угрюмо:

— Кто ее знаетъ бѣсовку... Имъ, бѣса̀мъ, кабы что... Креста на нихъ нѣтъ. Ну, да я ее разыщу. Я ее изъ подъ земли откопаю. Я ей кузькину мать покажу. Гдѣ это видано, чтобы баба сама изъногана стрѣляла? Мало что ли, на это у нихъ холуевъ?.. Вотъ оно, въ

Писанiи то сказано: «И се жена»... Только не жена вѣдь она ему, а тьфу, содкомъ, и ничего больше...

— Что же ты сдѣлаешь съ ней?

— Что сдѣлаю? А ужъ мы съ Федей придумаемъ что. Ужъ мы обмозгуемъ. Вѣдь такую и сжечь не грѣхъ.

Онъ стоитъ у дверей прямой, сѣдобородый и строгiй. Я знаю: позволить ему, — и сожжетъ.

7 Декабря.

Мадамъ Миньковичъ почти права... По улицамъ ходятъ патрули. Они слѣдятъ за порядкомъ. Но порядка нѣтъ, — много пьяныхъ. Пьяные, трезвые, солдаты и офицеры, грабятъ. По всему городу идетъ безпросвѣтное воровство, неприкрытый дневной грабежъ. Вчера ко мнѣ пришелъ врачъ, у котораго «покупили» аптеку. Онъ жалуется. Онъ говоритъ, что при коммунистахъ жилось не хуже: — «Конечно, таскали въ Че-ка... Ну, а теперь, при вашей свободѣ, не волокутъ въ Контръ-Развѣдку?»... Въ Контръ-Развѣдкѣ Егоровъ. Чѣмъ Егоровъ отличается отъ «чекиста»? Чѣмъ я отличаюсь отъ комиссара? Мы вѣримъ въ разное, но по дѣламъ нашимъ насъ не познать. Мы мазаны однимъ миромъ. Мы деремся между собой, а обыватель насъ одинаково проклинаетъ, насъ, бѣлыхъ и красныхъ: «у хлопцевъ чубы трещатъ» Но почему эти «хлопцы» терпятъ насъ, какъ рабы?

8 Декабря.

Я раскрываю Евангеліе: «И слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины»... Гдѣ наше воплощенное слово? Гдѣ наша истина, наша Божья благодать? «Егоровъ навралъ, неизвѣстно за что воюемъ». Я знаю, почему я вѣшаю ихъ, но я не знаю зачѣмъ. Въ тылу фабрикуется царь, даже не царь, а царекъ, доморощенный и каррикатурный Наполеонъ. Въ немъ спасеніе Россіи?.. Спасеніе генераловъ и баръ. Спасеніе тѣхъ, кого съ кровью выплюнулъ русскій народъ. Москва... Москва поругана и растоптана каблукомъ. Что мы дадимъ взамѣнъ? Иное, худшее, поруганіе и такой же солдатскій каблукъ? Или, можетъ быть, сантиментальныя фразы, блѣдную немочь новоявленныхъ Мирабо?.. «Чортъ меня дернулъ родиться русскимъ».

9 Декабря.

Да, «чортъ меня дернулъ родиться русскимъ». «Народъ-богоносецъ» надулъ. «Народъ-богоносецъ» либо раболѣпствуетъ, либо бунтуетъ; либо кается, либо хлещетъ беременную бабу по животу; либо рѣшаетъ «міровые» вопросы, либо разводитъ куръ въ ворованныхъ фортепьяно. «Мы подлы, злы, неблагодарны, мы сердцемъ хладные скопцы». Въ особенности, скопцы. За родину умираетъ горсть, за свободу борются единицы. А Мирабо произносятъ рѣчи. Ихъ послу-

шать,— все изучено, расчислено и предсказано. Ихъ увидѣть,— все опрятно, чинно, благопристойно. Но повѣрить имъ, ихъ маниловскому народолюбію, — потонуть въ туманномъ болотѣ, какъ бѣлорусскій крестьянинъ тонетъ въ «окнѣ». Гдѣ же выходъ? «Сосиски» или нагайка? Нагайка или пустыя слова?

10 Декабря.

Мадамъ Миньковичъ стучится ко мнѣ:

— Къ вамъ пришли, господинъ генералъ.

Я оборачиваюсь. На порогѣ молодая женщина въ бѣлой папахѣ. У нея сѣрые, на выкатъ, глаза и круглое, нарумяненное лицо. Она нерѣшительно подходитъ ко мнѣ.

— Вы удивляетесь? Я Тетерина.

Я не удивляюсь. Она не могла не придти: она загнана и окружена, какъ волчица. Я подвигаю ей стулъ:

— Садитесь.

Она вынимаетъ платокъ и плачетъ. Я молчу. Въ дверяхъ безшумно выростаютъ Егоровъ и Федя. Они жадно, въ упоръ, разглядываютъ ее.

— Я пришла... Я пришла предложить вамъ свои услуги...

— Какія услуги?

— Я хочу служить бѣлымъ.

— Вы были агентомъ Че-ка?

Она говоритъ сквозь слезы.

— Заставили... Поневолѣ...

— Вашъ мужъ повѣшенъ?

— Онъ мнѣ не мужъ...

Горячій обручъ сжимаетъ мнѣ горло... Она своею рукой разстрѣливала нашихъ солдатъ. Она передъ смертью издѣвалась надъ ними. Мы повѣсили ея мужа. А теперь она предаетъ своихъ.

— На службу я васъ не приму.

Она съ улыбкой опускаетъ глаза.

— Напрасно... Я готова на все...

— На все?.. Послушайте, вотъ что. Предлагаю на выборъ. Либо я васъ отдамъ вотъ имъ, либо... либо вы застрѣлитесь сами. Рѣшайте.

Егоровъ и Федя понемногу придвигаются къ ней. Она не вѣритъ. Она говоритъ:

— Вы шутите?

— Нѣтъ.

— Не можетъ этого быть...

— Ординарцы!

Она встала. Она поняла, наконецъ. Она не плачетъ и не улыбается больше. И вдругъ, съ размаху, падаетъ нà полъ. Бьется полное, обезсиленное внезапно, тѣло. Я говорю:

— Уберите ее.

Егоровъ подходитъ и толкаетъ ее сапогомъ.

— Вставай, бѣсовка... Пора.

А Федя подмигиваетъ единственнымъ глазомъ:

— Пожалуйте, мадамъ, бриться.

11 Декабря.

«Соль — добрая вещь. Но ежели соль не солона будетъ, чѣмъ вы ее поправите? Имѣйте въ себѣ соль». Такъ сказано въ Евангеліи отъ Луки. Соли у насъ не занимать стать. Крѣпкой, соленой соли. Довольно ея и у нихъ, у нашихъ непримиримыхъ враговъ. Съ точки зрѣнія спокойнаго кресла, чистыхъ комнатъ и уравновѣшенной жизни, мы такіе же разбойники, какъ они. Я уже сказалъ: «Мы мазаны однимъ мѵромъ». Пусть такъ. Но я спрашиваю: что лучше, благоденственное, то есть, въ сущности, подлое, житіе или наша грѣховность? Кто ближе къ истинѣ, святой Касьянъ или святой Николай? Касьянъ въ ризахъ, въ благочестіи и въ молитвѣ. Николай въ рубищѣ, въ грязи и въ крови. Но вѣдь Николая празднуютъ девять разъ въ одинъ годъ. Что мы знаемъ? Развѣ намъ дано знать?. «Я взглянулъ, и вотъ конь вороной, и на немъ всадникъ, имѣющій мѣру въ рукѣ своей».

Федя на кухнѣ ухаживаетъ за судомойкой. Судомойка толста и стара, но Федя не очень разборчивъ. Онъ сегодня принарядился, смазалъ масломъ проборъ и вымылся «березовымъ кремомъ», — «для красоты», какъ онъ говоритъ. Онъ томно перебираетъ струны гитары, а судомойка хихикаетъ визгливымъ смѣшкомъ. У Феди душа спокойна.

12 Декабря.

Красные перешли въ наступленіе. Я иду къ мосту. Его защищаютъ взятые нами красноармейцы. Ими

командуетъ Вреде. На другомъ берегу рѣки обнаженный кустарникъ, низкая и густая заросль. Въ этой заросли стрѣлковыя цѣпи. Красные пострѣливаютъ лѣниво, точно нехотя, точно не зная зачѣмъ. На мосту пулеметы. Одинъ изъ пулеметчиковъ, высокій рыжій дѣтина въ обмоткахъ, узнаетъ меня и весело говоритъ:

— Здравія желаю, господинъ полковникъ.

— Какъ живете?

— Живемъ.

— У кого лучше?

— У насъ.

У кого, у насъ? У насъ или у нихъ? Вѣдь и тѣ и другіе — мы. Я спрашиваю:

— Почему лучше?

Онъ ухмыляется во весь ротъ.

— Какъ же можно? Знаемъ, по крайней мѣрѣ, за что воюемъ.

— За что?

— За Рассею.

За Россію. Точь въ точь, какъ Егоровъ. Значитъ, Россія не праздное слово, не безжизненное, на школьныхъ картахъ, названіе. Значитъ, не я одинъ кровно привязанъ къ ней. Значитъ, голосъ ея звучитъ и въ этихъ простыхъ сердцахъ. Россія... Ей, матери нашей, наша жизнь и наша дѣйственная любовь.

13 Декабря.

Красные атакуютъ. Снова рвутся гранаты. Снова

повизгиваетъ шрапнель. Голубка насторожилась и повернула морду къ рѣкѣ. Я успокаиваю ее, и медленно ѣду на батарею. Но вотъ близко, надъ головой, заскрежетало, кружась, колесо. Сверкнулъ огонь. Пахнуло горячимъ дымомъ. Я откидываюсь невольно назадъ и опускаю поводья. Голубка взывается на дыбы... Меня догоняетъ Вреде.

— Юрій Николаевичъ, мы держаться не можемъ.

Кровь бросается мнѣ въ лицо.

— Почему?

Но онъ отвѣчаетъ спокойно:

— Не вѣрите? Посмотрите сами.

Я посмотрѣлъ. Наши красноармейцы дерутся храбро,—не хуже уланъ. Они не могутъ не драться: красные побѣдятъ — разстрѣляютъ. Но много ли ихъ осталось? Но цѣпи уже на мосту. Но уже за горкой, на батареѣ, раздается «ура!»...

14 Декабря.

Итакъ, совершилось. Мы уходимъ. Чего я достигъ?.. Позади — родимая глушь, впереди — чужая граница. Гдѣ Москва? Гдѣ мечты о Москвѣ?

Вотъ опять запорошенный инеемъ боръ, звонъ удилъ и ровный топотъ копытъ. Вотъ опять пофыркиваетъ Голубка и поскрипываетъ кожей сѣдло. Вотъ опять привычное, — нѣтъ, новое, столѣтнее, утомленіе. Уланы не поютъ больше... Я обернулся на ихъ немногочисленные ряды. Вреде ѣдетъ понуро, нахо-

хлившись въ лѣтней шинели. Такъ же понуро ѣдетъ Егоровъ. Одинъ Федя не теряетъ бодрости духа. Онъ поднялъ мѣховой воротникъ. Ему тепло. Онъ мурлычитъ себѣ подъ носъ:

Какъ были мы на балѣ,
На балѣ, на балѣ,
И съ бала насъ прогнали,
Прогнали по шеямъ...

Я командую:

— Рысью... ма-аршъ!..

II.

3 Іюля.

Груша сидитъ на травѣ. Она въ розовой кофтѣ. Вечерѣетъ. Въ тепломъ воздухѣ комариный звонъ.

— Груша, узнала?

— Узнала.

— Сколько ихъ?

— Да трое всего. Стоятъ въ четвертомъ дворѣ, направо. Съ утра самогонку пьютъ.

— Городскіе?

— Городскіе, изъ Ржева. Одинъ рыжій, фабричный. Другой лохматый, будто изъ духовнаго званія. А третій вродѣ, какъ писарекъ.

— Изъ Исполкома?

— Да, гады... Съ бумагой, и винтовки при нихъ. Сказываютъ утятъ считать будутъ.

Она смѣется, — скалитъ бѣлые зубы. И, разсмѣявшись, закрываетъ локтемъ лицо.

— Груша, не страшно?

— Чего страшно то?.. Я ихъ и сама придушу.

Ночью подкрадусь и придушу. Всѣмъ троимъ цѣна три копейки.

— А разстрѣляютъ?

— Не разстрѣляютъ, небось... Я въ лѣсъ убѣгу. Къ тебѣ.

Я сажусь рядомъ съ ней. Она потупилась. Потомъ несмѣло отстраняетъ меня рукой:

— Баринъ... Голубчикъ... Увидятъ...

4 Іюля.

Мы четвертую недѣлю въ лѣсу. У меня двадцать шесть человѣкъ, — «шайка бандитовъ». О насъ сложилась легенда. Говорятъ, что насъ двѣ дивизіи, что мы взяли Калугу, что мы идемъ на Москву. Стоустой молвой разносится слухъ, что пришла, наконецъ, своя, мужицкая, власть и караетъ «бѣсовъ». Вся округа намъ вѣритъ. Я бы могъ поднять и Столбцы, и Можары, и Зубово, и Сычевку. Но я не знаю временъ и сроковъ.

Я сегодня всталъ на зарѣ и пошелъ безъ дороги. Подъ ногами папоротникъ и мохъ, надъ головою прозрачное, омытое ночнымъ дождемъ, небо. Еще утро, еще солнце не грѣетъ, а уже гудятъ надъ дикой малиной пчелы. Я слѣжу за ними прилежнымъ глазомъ. Онѣ живутъ короткое лѣто, мы — короткую жизнь.

Онѣ трудятся, мы — воюемъ. Онѣ оставятъ медовые соты, мы... Что мы оставимъ?..

Я «зеленый». Я скрываюсь въ зеленомъ лѣсу. Я счастливъ. Я счастливъ, потому что слуга Россіи.

5 Іюля.

Позднимъ вечеромъ, огородами, мы подходимъ къ Столбцамъ: я, Егоровъ и Федя. Сильно пахнемъ укропомъ и коноплей. Сіяетъ луна. Въ лунномъ свѣтѣ высокая тѣнь — Груша въ бѣломъ платкѣ. Она шепчетъ:

— Сюда идите... Сюда.

Она проводитъ насъ напрямикъ, задами. У четвертой избы направо, я осторожно стучусь въ окно.

— Кто тамъ?

— Выдь на минутку, хозяинъ.

Щелкнулъ засовъ, изъ-за двери просунулась голова. Я узналъ «лохматаго изъ духовнаго званія». Онъ оглядѣлся вокругъ и почесалъ поясницу.

— Товарищъ изъ Ржева?

— Да... А ты кто такой?

Я не отвѣтилъ. Я поднялъ руку и, не цѣлясь, нажалъ курокъ. Блеснуло желтое пламя, по крыльцу поползъ дымъ... Я не вошелъ. Вошли Егоровъ и Федя. Все такъ же сіяетъ луна... На пустынной улицѣ, у воротъ, стоитъ Груша. Ея губы полураскрыты. Она дышетъ часто и тяжело. Но она не уходитъ. Я говорю:

— Иди домой, Груша.

Она вздрагиваетъ:

— Нѣтъ... Чего ужъ?.. Я обожду...

6 Іюля.

Егоровъ мнѣ говоритъ:

— Мы вошли, а онъ какъ бросится на меня... Руку прокусилъ, рыжій чортъ... Ну, этого Федя живо вывелъ въ расходъ. А другой, паршивецъ, на полати залѣзъ, трясется: — «Простите, православные, Христа ради»... Я говорю: — «Конецъ твой пришелъ, Богу молись, сукинъ сынъ»... А онъ все свое: — «Вѣрой и правдой буду служить, книжки буду для васъ печатать»... У него морда въ крови и глазъ на ниткѣ виситъ, а онъ про книжки толкуетъ. Смѣхота!.. Тоже, сочинитель нашелся...

Полдень. Паритъ. Въ лагерѣ пусто. Кто на часахъ, кто въ развѣдкѣ, кто спитъ. Въ тѣни, подъ широкимъ кленомъ, «бандиты» играютъ въ «акульку». Заправила, разумѣется, Федя. Онъ посмѣивается, подмигиваетъ и жулитъ. Онъ никогда не остается «акулькой»: «ужъ такой, значитъ, фартъ»... Егоровъ угрюмо смотритъ. Смотритъ онъ долго, потомъ съ негодованіемъ плюетъ:

— Тьфу! Табачищемъ воняютъ, картами дьявола тѣшатъ. Нехристи... Ужо погодите: будете въ вѣчномъ огнѣ горѣть. Не проститъ Господь грѣховъ вашихъ!..

8 Іюля.

Иванъ Лукичъ бывшій совѣтскій «работникъ». Вчера онъ засѣдалъ въ «Исполкомѣ», зубрилъ для «экзаменовъ» Маркса и безпрекословно повиновался «Вцику». Сегодня онъ съ нами, въ лѣсу. Онъ невысокаго роста, но широкъ и крѣпокъ въ плечахъ, — ладно скроенъ, не ладно сшитъ. Онъ сынъ дьячка, выгнанный за «неблагонадежность» семинаристъ. Онъ пришелъ ко мнѣ одинъ, безъ оружія, миновавъ сторожевые посты, и началъ съ того, что заявилъ мрачно:

— Я долженъ предупредить, что я большевикъ.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Хочу стать зеленымъ.

— Большевикъ и — зеленый?

— Да. Довольно побаловались. Хорошаго понемножку... Вѣдь рано или поздно, все равно ваша возьметъ.

— Чья «наша»?

— Да мужиковъ...

Мнѣ понравилась его откровенность. Я далъ ему браунингъ и винтовку и, платя его же монетой, сказалъ:

— Вы знаете, мы не только вѣшаемъ, но и грабимъ.

— Коммунистовъ?.. Такъ имъ и надо.

— Почему надо?

Онъ нахмурился.

— Я повѣрилъ имъ, какъ дуракъ... А они все наврали. Подлецы. Никому жить не даютъ. Въ свой карманъ норовятъ, — и только.

9 Іюля.

Груша приходитъ ночью, — босыми ногами пробирается по тропинкамъ. Меня волнуетъ блескъ ея глазъ. Меня волнуетъ ея молодое тѣло. Въ ней избытокъ неистраченныхъ силъ, неутолимая, почти звѣриная жажда. Покоемъ дышетъ земля. Тихо свѣтится Млечный Путь. Спятъ, какъ дѣти «бандиты». А въ насъ — палящій огонь.

Но Груша чужая. Мнѣ чуждъ ея наивный языкъ: «Касатикъ... Соколикъ»... Я вспоминаю Ольгу. И мнѣ кажется, что это не Груша, а Ольга обнимаетъ меня, что это не Груша, а Ольга ищетъ моего поцѣлуя. Ольга... Гдѣ дно колодца, раздѣлившаго насъ?

10 Іюля.

«И произошли молніи, громы и голоса, и сдѣлалось великое землетрясеніе. Такое землетрясеніе! Такъ великое!»... Но гармоники «наяриваютъ» малиновымъ звономъ и парни горланятъ разухабистыя частушки; но у околицы дерутся бѣловолосые, конечно, вшивые мальчуганы; но курится самогонка; но потрескиваетъ и каплетъ смолой лучина; но матерная ругань виситъ топоромъ. Тѣ же расковырянныя поля, тѣ же неѣзженные проселки. А главное тамъ же «зимуютъ раки». Надъ этими «раками» я бьюсь давно и безплодно... Гдѣ «молніи, громы и голоса»? Ихъ нѣтъ. Есть вседержавная, всемужицкая, всероссійская порка,

та самая, какая была при царѣ. И изъ за этого пролились моря крови?..

Отецъ Груши, Степанъ Егорычъ, «среднякъ» — прежде зажиточный, а теперь полу-раззоренный крестьянинъ. Я спросилъ его, почему деревня не поддержала «бѣлыхъ»? Онъ задумался:

— Многоуважаемый, какъ бы это тебѣ получше растолковать? Тутъ не только въ баловствѣ дѣло. Ты вотъ что пойми. Я голъ, какъ соколъ, и у меня паутина надъ образами. За то самъ себѣ баринъ. А придутъ генералы, можетъ быть и я разживусь, да не хозяиномъ въ своей хатѣ, а холуемъ на барскомъ дворѣ. Вотъ то то оно и есть.

— Но вѣдь тебя попрежнему порютъ?

— Порютъ. Да кто поретъ то? Вѣдь свои. Свой братъ, фабричный или мужикъ... Мы ихъ гадовъ, небось, одолѣемъ. А баръ, пожалуй, не одолѣть...

Не въ помѣщичьей ли усадьбѣ «зимуютъ раки»?

11 Іюля.

Иванъ Лукичъ ходилъ къ Духовщинѣ. Онъ докладываетъ:

— Я вошелъ и говорю: — «Товарищи, руки вверхъ!»... Мужики попадали на колѣни, а завѣдующій ключи мнѣ суетъ: — «Вотъ ключи, господинъ атаманъ»... Я приказалъ выбрасывать товаръ за окно: ситецъ, гвозди, кожу, подошвы. Потомъ говорю мужикамъ: — «Бери ребята... Все ваше». Они не вѣ

рятъ: боятся. Я одному далъ по шеѣ: — «Бери дубина... Дарю». Стали расхватывать, подводы грузить. А завѣдующій, партійный работникъ, стоялъ-стоялъ, да какъ броситъ шапку на полъ: — «Эхъ, елки заленыя, чѣмъ я хуже другихъ?»... И тоже сталъ подводу грузить. Коммунисты?.. Знаю я ихъ. Всѣ они таковы.

Онъ принесъ милліардъ совѣтскихъ рублей. Я положилъ ихъ въ денежный ящикъ. У ящика часовой. Я опасаюсь «бандитовъ». Не доглядишь, у своихъ украдутъ. Я могъ бы тоже сказать: — «Зеленые? Знаю я ихъ... Всѣ они таковы».

12 Іюля.

Груша мнѣ говоритъ:

— А когда Ржевъ будешь брать?

— Ржевъ?

— Ну да. Вѣдь не вѣкъ же на печи прохлаждаться...

— На печи?..

Она смѣется.

— Чѣмъ не печь? Живете, какъ въ раю у Христа. Все у васъ есть: и лошади, и коровы, и овцы, и самогонка. Кушаете, какъ баре, на скатертяхъ. Отдыхаете, какъ купчихи, на шубахъ... Ишь, какъ этотъ одноглазый отъѣлся...

— Федя?

— Ну да, который вѣшатель твой.

— А тебѣ, Груша, завидно?

— Не завидно, а православные ждутъ.

— Ждутъ чего?

— Когда на Москву пойдешь.

Я смотрю на нее. Вотъ она рядомъ со мной, босоногая, въ розовой кофтѣ. Въ черныхъ глазахъ ни тѣни смущенія: надо итти на Москву.

— А почему мужики не идутъ?

— Силы ихъ нѣту.

— Ну и у насъ ея нѣтъ.

— У тебя?.. У тебя силы нѣтъ?..

Она хочетъ и не умѣетъ сказать. Она вѣритъ: для нея со мной все возможно. Вѣдь судьба «назначила меня къ бою».

13 Іюля.

Я къ вечеру возвращаюсь въ лагерь. Садится солнце, въ лѣсу сгущается мракъ. Издали доносятся голоса. На полянѣ, подъ «акулькинымъ» кленомъ, костеръ. Толпятся «бандиты». Полыхаютъ красные языки.

— Егоровъ!

Онъ подбрасываетъ полѣньевъ въ огонь. Потомъ, не торопясь, подходитъ ко мнѣ.

— Въ чемъ дѣло, Егоровъ?

— Товарища провокатора жгемъ.

— Что?..

Я взглянулъ. Я только теперь замѣтилъ, что у

клена стоитъ человѣкъ. Онъ привязанъ. Я узнаю Синицына, крестьянина изъ Можаръ. Сквозь дымъ бѣлѣются голыя плечи. Торчитъ взлохмаченная, черная, закинутая вверхъ борода.

— Мерзавцы!..

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ. Что же съ нимъ, съ окаяннымъ дѣлать? Запороть, такъ время уйдетъ. Повѣсить, такъ людямъ зазорно будетъ... Вотъ и жгемъ помаленьку.

Я отвернулся. Я ушелъ безъ оглядки въ поле. Уходя, я услышалъ:

— Бороду, Федя, бороду ему подпали...

14 Іюля.

Федя любитъ животныхъ. Онъ съ любовью ухаживаетъ за лошадьми, съ любовью доитъ коровъ. «Безсловесная тварь» ему другъ. Онъ подобралъ въ деревнѣ щенка, Каштанку, и за пазухой отнесъ его въ лагерь. Щенокъ крохотный, бѣлый, съ желтыми подпалинами и брюхомъ. Онъ неуклюже ползаетъ по травѣ и тычется носомъ въ Фединъ сапогъ. Федя, какъ нянька, беретъ его на колѣни. Онъ вычесываетъ блохъ своимъ гребешкомъ и, вычесавъ, съ мыломъ моетъ его. Тихо и знойно. Федя поетъ по лѣсному, по псковски:

Какъ на горкѣ, на горы,
Тамъ дяруцця комары,
Два дяруцця,

Два смяюцця,
Два убитыи ляжаць...

15 Іюля.

Меня разбудилъ лѣтній дождь. Свѣтаетъ. По-лѣсу идетъ тихій шорохъ. Все влажно. Все хмуро. Я встаю. У палатки спитъ часовой. Спятъ въ повалку и остальные «бандиты». Имъ «капъ што»... Они давно не знаютъ тревогъ. Я вдыхаю запахъ дождя. Я радуюсь его невнятному шуму. Я пью густой и проладный воздухъ. Въ забытье впадаетъ душа. И вотъ опять, — нѣтъ лагеря, нѣтъ меня, нѣтъ «бандитовъ», нѣтъ лѣса. Есть вѣчная и единая, благословенная, жизнь. И гдѣ то есть Ольга.

16 Іюля.

Груша закрыла руками лицо, и хохочетъ. Трясутся плечи, волнуется высокая грудь. Я спрашиваю:

— Груша, чего?

Онъ захлебывается отъ смѣха.

— Вотъ уморушка... Вотъ такъ умора... Вѣшатель то твой, Федя Мошенкинъ этотъ...

— Ну?

— Кандибоберомъ ходитъ... Аграфеной Степановной величаетъ, ленту мнѣ давеча подарилъ... А сегодня присталъ, серебрянный цѣлковый суетъ. А я его разъ по щекамъ... Такъ и покатился, сердечный,

— Груша, зачѣмъ?

Она перестала смѣяться и строго смотритъ мнѣ прямо въ глаза:

— Зачѣмъ?.. Развѣ я гулящая дѣвка?.. А что съ тобой я гуляю, такъ не моя въ томъ вина...

— А чья-же?

Она молчитъ. Вотъ и соперникъ у меня: Федя.

17 Іюля.

Вреде ходилъ за Калугу и подъ Алексинымъ взорвалъ комиссарскій поѣздъ. Онъ вернулся съ добычей: много денегъ, много брилліантовъ и три трофея, — пулеметъ, печать «Губчека» и орденъ Краснаго Знамени. Федя доволенъ: «Была манишка и записная книжка, а теперь и попросить на чаекъ не грѣхъ». Я послалъ его въ Москву за валютой. Валюту я раздамъ окрестнымъ крестьянамъ. Они, конечно, зароютъ ее въ лѣсу.

У палатки Иванъ Лукичъ споритъ съ Вреде. Онъ куритъ и говоритъ:

— Вы вотъ думаете, что вы поручикъ. А поручиковъ давно уже нѣтъ. Были и быльемъ поросли.

Вреде сердится:

— А вы большевикъ.

— Ну такъ что же, что большевикъ?.. У васъ труха въ головѣ: честь, Россія, народъ... А мнѣ плевать на ваши идеи. Я беру жизнь, какъ она есть, безъ прикрасъ.

— Россія — прикраса?

— Да, и Россія прикраса. Вы не думайте о ней вовсе, а дѣлайте свое дѣло. Муравейникъ великъ. Мы, муравьи, каждый свою соломинку тащимъ.

— Вы какую?

— Пока ту же, что вы. А время придетъ, порознь пойдемъ.

Вреде насмѣшливо замѣчаетъ:

— Вы, разумѣется въ Коминтернъ?

— Не въ Коминтернъ. Коминтернъ лавочка. Въ Коминтернѣ канальи... Я хуторъ куплю. А вы... Вы изъ бывшихъ людей. Слопаютъ васъ.

— Кто слопаетъ?

— Да такіе, какъ я.

Вреде обидѣлся и уходитъ. Въ знойномъ воздухѣ предчувствуется гроза. Жалобно, скучая безъ Феди, повизгиваетъ Каштанка.

18 Іюля.

Иванъ Лукичъ опять споритъ съ Вреде. Я слышу его семинарскій басъ:

— Бѣлые просто дрянь. И пора вамъ, Ваше Благородіе, это понять.

Вреде, какъ всегда горячится:

— Бѣлые дрянь? Превосходно... Но почему? Потому что грабили, разстрѣливали, пороли? А зеленые? Развѣ не грабятъ?... Вотъ я ограбилъ поѣздъ. Не порятъ?.. Вотъ вы выпороли вчера Каплюгу. За

что?.. За пьянство. Развѣ за пьянство можно пороть?.. Не разстрѣливаютъ?.. Да, конечно, потому что жгутъ на кострахъ... Почему же вы ругаете бѣлыхъ?

— Я не ругаю. Я говорю, что они мертвецы, что отъ нихъ трупомъ воняетъ: Его Высочествами да золотопогонными генералами. А зеленые дѣло другое. Зеленые строятъ новую жизнь.

— Совдепскую?

— Нѣтъ, свою. Ну, а если даже совдепскую? Чѣмъ совдепъ хуже земской управы?..

Длится нудный, нескончаемый споръ. О чемъ они спорятъ?.. Бѣлые мертвецы, но и зеленые не ангелы Божіи, но и красные поваленные гроба. Новая жизнь?.. Она строится гдѣ-то. Но гдѣ? Но кѣмъ? Но какая?.. Гдѣ всадникъ съ мѣрой въ рукѣ?..

19 Іюля.

Я сегодня не могъ уснуть. Затрепеталъ въ орѣшникѣ вѣтеръ. Задрожала и заколыхалась палатка. Загудѣлъ вершиною кленъ. Потомъ все умолкло. Но вотъ разверзлись, какъ уголь черные небеса. Блѣднымъ пламенемъ опоясался лѣсъ и еще темнѣе стало въ чащѣ. И сейчасъ же грозно загрохотали раскаты, и сильно и мягко застучалъ теплый дождь. Изъ темноты вышелъ Егоровъ:

— Илья Пророкъ, батюшка, колесницей грохочетъ. За Іудой гоняется въ облакахъ.

— Почему за Іудой?

— А какъ же? Знать, Іуда снова изъ ада бѣжалъ. Вотъ Господь за нимъ и посылаетъ Илью. Ужъ Илья ему спуску не дастъ.

Онъ крестится двуперстнымъ крестомъ и долго молчитъ. Потомъ зѣваетъ.

— Дождикъ то, дождикъ.., Эка, прости Господи, благодать!

Я говорю:

— А Синицинъ?

— Что-жъ Синицинъ?.. Синицинъ безъ покаянія померъ. Теперь съ Іудой, въъ аду.

20 Іюля.

Мокеичъ старый «бандитъ», четыре года скрывающійся въ лѣсу. Я послалъ его на развѣдку. Онъ былъ во Ржевѣ и въ Вязьмѣ. Въ Вязьмѣ его поймали, но онъ бѣжалъ изъ «Че-ка». У него «карточка» въ синякахъ, на спинѣ фіолетовые рубцы и одинъ изъ пальцевъ отрубленъ. Его «выспрашивали», какъ онъ говоритъ. Онъ докладываетъ, что красные готовятся къ наступленію. Вотъ ужъ, поистинѣ, стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ. Насъ двадцать семь человѣкъ. Правда, насъ завтра можетъ быть нѣсколько тысячъ. Но нѣсколько тысячъ крестьянъ не войско. Но изъ нашей, тлѣющей, искры не возгорится бурное пламя, не разольется всероссійскій пожаръ. «Старики» находятъ, что слѣдуетъ «покедова что» обождать. Я ждать не хочу, но противъ рожна не попрешь.

Мокеича лѣчитъ Егоровъ. Онъ поитъ его самогонкой и растираетъ рубцы «цѣлебной травой». Мокеичъ охаетъ. Онъ клянется, что отрубитъ не одинъ, а сто одинъ палецъ... Онъ принесъ московскую прокламацію. Въ ней сказано: «Въ Ржевскомъ уѣздѣ безчинствуетъ шайка бандитовъ, наемниковъ Антанты и бѣлогвардейцевъ. Товарищи, Республика въ опасности! Товарищи, всѣ на борьбу съ бандитизмомъ! Да здравствуетъ Р. С. Ф. С. Р.!..» Я читаю вслухъ это воззваніе. Егоровъ слушаетъ и плюетъ:

— И не выговоришь: Ресефесеръ... Чего таиться? Говорили бы, дьяволы, прямо: Антихристъ.

21 Іюля.

Груша нашла портретъ Ольги. Ольга въ бѣломъ кружевномъ платьѣ стоитъ подъ зонтикомъ на дорожкѣ. Я люблю этотъ домашній, такой простой и такой похожій, портретъ. Это — Сокольники. Это — невозвратимые дни.

— Она кто же будетъ тебѣ? Сестра?

— Нѣтъ, Груша, у меня нѣтъ сестры.

— Значитъ, невѣста?..

Она вспыхнула. По лицу пробѣжала тѣнь.

— Невѣста иль не невѣста, а что барыня, такъ видать... Куда ужъ мнѣ, коровницѣ, съ ней тягаться?..

— Груша...

— Вѣрно въ хоромахъ живетъ, золотые наряды носитъ, серебрянными каблучками стучитъ...

— Груша, молчи...

— Знаю я... Любиться со мной, съ мужичкой, а въ жены взять барыню, ровню... Эхъ, баринъ, вѣдь такъ?..

Что могу я отвѣтить? Я молчу. Она разгадала мое молчанье:

— Стало быть, скучаешь о ней...

И вдругъ говоритъ очень тихо:

— Ну что жъ... Ужъ такая ,видно, моя судьба...

22 Іюля.

Груша запыхалась,— бѣгомъ бѣжала отъ самыхъ Столбцовъ:

— Каратели пришли... Съ пулеметами... Человѣкъ полтораста...

— Чонъ?

— Да... Старика Кузьму, — помнишь, у котораго тѣ трое стояли, — сейчасъ къ Іисусу, разложили, стали плетьми пороть. Порютъ, а онъ «Отче Нашъ» читаетъ... Начальникъ ихній какъ заоретъ на него: — «Чего молишься, старый хрычъ?.. Сознавайся...» Отпороли. Кузьма дотащился домой, на полати залегъ и сына позвалъ, Мишутку. «Мишутка»,— говоритъ — «это ничего, что выпороли меня, пущай и совсѣмъ запорютъ, а ты винтовку бери, бей ихъ, бѣсо́въ. Убьютъ тебя, Серега пойдетъ». Акаратели — шасть по дворамъ, коровъ, овецъ, лошадей, даже собакъ считаютъ, оружія ищутъ, все допытываются

кто тѣхъ гадовъ убилъ. Стонъ на деревнѣ стоитъ. Сказываютъ, всѣхъ стариковъ пороть будутъ, а молодыхъ такъ въ Сибирь ушлютъ... Господи, неужто погибнемъ, какъ мухи?..

Ея глаза горятъ сухимъ блескомъ. Губы сжаты. Она съ тревогой ждетъ моего отвѣта... Она знаетъ его заранѣе.

— Груша, жди меня ночью у Салопихинскаго ключа.

Она поняла. Она обрадовалась и шепчетъ:

— Бей ихъ. Бей... Чтобы ни одинъ живымъ не ушелъ, чтобы поколѣть имъ всѣмъ, окаяннымъ...

23 Іюля.

Я отобралъ пятнадцать самыхъ надежныхъ «бандитовъ» и раздѣлилъ ихъ на два отряда. Однимъ командую я, другимъ Вреде. Я пройду въ Столбцы отъ Салопихинскаго ключа, Вреде — съ большой дороги. Въ 2 часа ночи мы выступаемъ.

Я оставилъ своихъ людей во ржи и одинъ, межою, иду въ деревню. Ярко, передъ разсвѣтомъ, сверкаютъ звѣзды. У околицы часовой.

— Кто идетъ?

— Не видишь, ворона?

Я въ шлемѣ и красноармейской шинели. На рукавѣ кубики — командный составъ.

— Гдѣ штабъ полка?

— Направо, у церкви, товарищъ.

Не деревня, а сонное царство. Спятъ «каратели», спятъ и крестьяне, — готовятся къ погловной поркѣ. Мнѣ вспоминается отецъ Груши: «Да кто поретъ то? Вѣдь свои... Свой братъ, фабричный или мужикъ...» На завалинкѣ, у церковнаго дома, огонекъ папиросы. Я вынимаю ноганъ.

— Здѣсь штабъ полка?

— Здѣсь. А ты кто такой?

— Товарищъ.

— Товарищъ?.. Документы есть?

Звякнули шпоры,— онъ всталъ. Тогда я говорю:

— Руки вверхъ?!

Я увидѣлъ, какъ онъ схватился за шашку. Но я выстрѣлилъ въ грудь, въ упоръ. Выстрѣливъ, я вхожу въ сѣни. Скрипнула дубовая дверь, желтымъ свѣтомъ ослѣпили глаза. На кроватяхъ — «товарищи - командиры». Ихъ трое. На столѣ самогонка. Я опять говорю:

— Руки вверхъ!

Я стрѣляю на выборъ, слѣва, по очереди и въ лобъ. Я цѣлюсь медленно, внимательно, долго. Но уже на улицѣ шумъ. Это Вреде. Это Егоровъ. «Ура!... Ура!... Ура!...» Я выхожу на крыльцо. По деревнѣ мечутся люди, безъ винтовокъ, въ одномъ бѣльѣ. Во все горло поютъ пѣтухи.

24 Іюля.

Вреде арестовалъ «военкома», и привелъ его въ лагерь. «Военкомъ», молодой человѣкъ въ пенснэ,

изъ бывшихъ студентовъ. Онъ босъ: сапоги снялъ Мокеичъ. Онъ вздрагиваетъ и озирается изподлобья. Я спрашиваю:

— Ты членъ коммунистической партіи?

Онъ опускаетъ глаза — не смѣетъ признаться. Я смотрю на худое, изъ-синя блѣдное, перекошенное испугомъ, лицо.

— Я повѣшу тебя.

Онъ падаетъ въ пыль, на колѣни. Онъ на колѣняхъ подползаетъ ко мнѣ.

— Товарищъ!... Товарищъ полковникъ!... Пощадите!... Вѣдь я еще молодой...

— Изъ молодыхъ да ранній...—перебиваетъ его Егоровъ. — Вставай!... Нечего зря болтать языкомъ.

— Я молодой... Дайте мнѣ послужить...

— Кому послужить?

— Народу...

— Народу хочешь служить? — говоритъ Егоровъ. — Бѣсъ. Сукинъ сынъ.

«Бандиты» смѣются. Они рады: «военкомъ», да еще студентъ... Свалилось съ длиннаго носа пенснэ, заморгали опущенныя рѣсницы и изъ глазъ покатились слезы:

— Товарищъ полковникъ!... Товарищъ полковникъ!...

Я вернулся въ палатку. И изъ палатки услышалъ визгъ. Такъ не кричитъ человѣкъ. Такъ визжитъ подстрѣленный заяцъ.

25 Іюля.

За лагеремъ бѣжитъ рѣчка, притокъ Днѣпра, Взмостя. Держась рукой за лознякъ, я спускаюсь къ заводи, — къ тихой водѣ. Осока царапаетъ мнѣ лицо, нога скользитъ по затонувшей карягѣ. Я плыву по теченію. Наперерѣзъ плыветъ ужъ. Онъ поднялъ желтую, съ раздвоеннымъ жаломъ, головку и ныряетъ въ поднятыхъ мною волнахъ. Я смотрю на него. Я смотрю на высокое солнце, на серебрянный, струящійся, лучъ, на зеленый, поросшій ольхою, берегъ, и не вѣрю, не могу повѣрить себѣ. Неужели завтра то же, что и сегодня? Неужели завтра снова «клюквенный сокъ?»

26 Іюля.

У меня двѣ-три книжки, чтобы не одичать въ дремучемъ лѣсу. Евангеліе, разсказы Пушкина, стихи Баратынскаго. Сегодня я раскрылъ наудачу:

...Но ненастье зареветъ,
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный.
Бѣдный духъ! Ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, кружитъ меня, какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.

Не о насъ ли сказаны эти слова? Не «пухъ» ли мы?

Не «пухъ» ли повѣшенный «военкомъ», соженный Синицынъ, запоротый до полусмерти Кузьма? Не «пухъ» ли Федя, Егоровъ, Мокеичъ, мы всѣ, зеленые, красные, бѣлые, — навозъ и сѣмя Россіи?...

Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земного края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.

27 Іюля.

Пріѣхалъ изъ Москвы Федя. На немъ новый, синяго цвѣта, «педзякъ» и щеголеватые бриджи въ клѣтку. Въ этомъ нарядѣ онъ похожъ на берейтора изъ провинціальнаго цирка. Онъ доволенъ собой. Онъ то и дѣло вынимаетъ зеркальце изъ кармана и приглаживаетъ проборъ: «кандибоберомъ ходитъ»... Я спрашиваю его:

— Размѣнялъ?

— Размѣнялъ, господинъ полковникъ.

— Сколько?

— Двѣ тысячи пятьсотъ фунтовъ.

Онъ разсказываетъ про привольную московскую жизнь. «Бандиты» окружили его. Они слушаютъ съ упоеніемъ. На вершинахъ деревъ золото вечерняго солнца. Внизу сумерки. Хороводами жужжатъ комары.

— Люди, какъ люди, и живутъ по людски. Въ рулетку играютъ, ликеры заграничные пьютъ, дѣвицъ

на Роль-Ройсахъ возятъ. Однимъ словомъ, Кузнецкій мостъ. Выйдешь, часика этакъ, въ четыре, — дымъ коромысломъ: рысаки, содкомы, нэпманы, комиссары... Ни дать, ни взять, какъ до войны, при царѣ. Вотъ она, рабочая власть... Коммуной то и не пахнетъ. Въ гору холуй пошелъ. Жи-ивутъ!... А мы, сиволапые, рыжики въ лѣсу собираемъ... Эхъ!...

Егоровъ морщитъ сѣдые брови:

— Помалкивалъ бы въ тряпичку, Федя. Соблазнъ.

— А что?... Въ Москву захотѣлось?

— Язва, отстань... Бѣсомъ сталъ. Бѣсо́въ тѣшишь.

Федя смѣется. Смѣется и безпалый Мокеичъ, и выпоротый недавно Каплюга, и Титовъ, и Сенька, и Хведощеня, и вся лѣсная, зеленая братія. Всѣмъ весело. Всѣмъ завидно. Завидно, что гдѣ-то, за тридевять земель, въ далекой Москвѣ, «въ гору холуй пошелъ» и «люди живутъ по людски».

«По людски»: «дѣвицъ на Роль-Ройсахъ возятъ»... Я спрашиваю себя: сѣмя мы или только навозъ?

28 Іюля.

Иванъ Лукичъ казначей. Онъ пересчиталъ сегодня фунты и говоритъ мрачно:

— Вотъ мерзавцы... Украли.

— Много?

— Триста пятьдесятъ фунтовъ.

Домашній воръ — худшій воръ. Я приказываю

выстроить «шайку». «Бандиты» построились въ три ряда, на полянѣ, у «акулькина» клена, тамъ, гдѣ жгли Синицына на кострѣ. Моросит мелкій дождь.

— Смирно!

Они по солдатски повернули глаза направо и замерли въ ожиданіи. Я говорю:

— Ночью украли деньги. Кто укралъ, выходи.

Въ заднемъ ряду поднимается шумъ. Я слышу, какъ Каплюга вполголоса говоритъ:

— Чьи деньги-то? Развѣ не наши?... Какъ въ набѣгъ, такъ «за мной», а дѣлиться, такъ и врозь табачекъ... Правильно, товарищи, или нѣтъ?

Каплюга — бывшій матросъ. Но онъ не «гордость и краса революціи», а пьяница, разбойникъ и воръ. Я взялъ его въ плѣнъ въ Бобруйскѣ.

— Каплюга.

Онъ не отзывается, — прячется за чужія спины. Я повторяю.

— Каплюга.

Онъ медленно, нехотя, выходитъ изъ строя. Руки въ карманы, шапка сдвинута на затылокъ. Онъ покачивается. Онъ пьянъ.

— Шапку долой!

— Зачѣмъ? И такъ постою. Не въ Божьей церкви, небось!...

Я сильно, съ размаху, ударилъ его въ лицо.

— Молчать! Ты укралъ?

Онъ вытираетъ кровь рукавомъ и бормочетъ:

— Укралъ?... И не укралъ даже вовсе... Просто взялъ... Свое взялъ, господинъ полковникъ.

— Свое?

— Такъ точно, свое...

— Повѣсить.

Егоровъ и Федя подходятъ къ нему. Попрежнему моросить надоѣдливый дождь.

29 Іюля.

Меня гложетъ лѣсная тоска. Я въ тюрьмѣ. Не вѣтви, а узорчатая рѣшетка. Не шелестъ листьевъ, а звонъ кандальныхъ цѣпей. Не лагерь, а четыре голыхъ стѣны. Нѣтъ, не выйти изъ мѣлового круга: Федя, Егоровъ, Вреде. Нѣтъ, не разорвать сомкнувшагося кольца: плети, висѣлицы, разстрѣлъ... «Поношеніе сокрушило сердце мое, и я изнемогъ; ждалъ состраданія, но нѣтъ его, — утѣшителей, но не нахожу...» Гдѣ Ольга? Что съ нею?

30 Іюля.

Собирайтесь, дѣвки, всѣ,
Я нашелъ трубу въ овсѣ...
Труба лыса, безъ волосъ,
Обсосала весь овесъ...

Федя полулежитъ на травѣ и пробуетъ гармонику - итальянку. Онъ въ бриджахъ и хромовыхъ сапогахъ.

— Федя.

Онъ вскакиваетъ.

— Слушаю, господинъ полковникъ.

— Успокоились?

— А то какъ же?.. Вотъ выпороть бы еще Титова да Хведощеню, такъ и совсѣмъ бы за умъ взялись...

— Они воровали тоже?

— Никакъ нѣтъ... А все таки... На всякій пожарный случай.

Онъ гладитъ Кашатнку. Каштанка, играя, старается укусить ему палецъ. Федя смѣется:

— У, беззубая... У, животина... А съ нашимъ братомъ, господинъ полковникъ, иначе нельзя. Учить насъ надо. Малохольный мы, господинъ полковникъ, народъ... Только о себѣ и мечтаемъ.

31 Іюля.

Вреде и Иванъ Лукичъ помирились. Они больше не спорятъ: каждый думаетъ, что онъ правъ. Но Иванъ Лукичъ «шутильникъ», по выраженію Феди. За обѣдомъ онъ говоритъ:

— Значитъ, Ваше Благородіе, вы теперь спецъ?

— Я спецъ?... По какой это части?

— По дамской.

Вреде краснѣетъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— А вотъ Грушенька эта... Въ розовой кофтѣ... Жанна д'Аркъ изъ Столбцовъ... «Узнаю коней ре-

тивыхъ».., какъ сказалъ господинъ поэтъ, Александръ Пушкинъ.

Вреде опускаетъ глаза въ тарелку. Мнѣ жаль его. Я замѣтилъ: ему нравится Груша. Но онъ застѣнчивъ. Онъ не смѣетъ къ ней подойти. Онъ не знаетъ, что и какъ ей сказать. Онъ баринъ... Можетъ быть, она, дѣйствительно, кажется ему Жанной д'Аркъ?

Федя подаетъ на подносѣ чай. Подносъ старинный, серебрянный, съ чернью. Его «покупилъ» въ одномъ изъ «совхозовъ» покойный Каплюга. Иванъ Лукичъ продолжаетъ:

— А вы бы конфетокъ ей поднесли, сладкихъ, дворянскихъ, отъ Абрикосова или Сiу. Или вотъ, духовъ отъ Брокара... И вообразили бы, что она не мужичка, а вдругъ княгиня или, п о крайней мѣрѣ, генеральская дочь...

— Аграфена Степановна? — щуритъ Федя единственный глазъ. — Да если ее нарядить, такъ вѣдь она всѣхъ княгинь за поясъ заткнетъ, такъ вѣдь она первой красавицей будетъ... Не дѣвка, а настоящiй бутонъ, господинъ поручикъ.

Аграфена Степановна... Груша... Я ее не люблю. Но дѣлиться ею не буду ни съ кѣмъ.

1 Августа.

Груша ночью прокралась ко мнѣ. Она обнимаетъ меня и шепчетъ:

— Слава Богу, погубилъ ты ихъ, проклятыхъ бѣсо́въ. Только боязно: вернутся обратно...

Да, вернутся обратно. Да, сожгутъ Столбцы и не оставятъ камня на камнѣ. «Каратели» усмиряютъ повсюду. Уже киргизы хозяйничаютъ подъ Духовщиной. Уже китайцы разстрѣливаютъ въ Можарахъ. Уже «работаетъ» въ Сычевкѣ «Че-ка». Что дѣлать?

— Возьми ты меня, Христа ради, съ собою...

— Куда?

— Куда хочешь... Въ Москву.

Опять Москва. Опять ни тѣни смущенія. Опять неразсуждающая увѣренность въ своихъ,— въ моихъ,— силахъ. Но вотъ лицо ея потемнѣло:

— А та... А барыня... Гдѣ живетъ?

— Въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ...

Она плачетъ. Льются женскія, обильныя слезы. Мнѣ скучно. Я говорю:

— Груша, а Вреде?

— Офицерикъ то, баринокъ то этотъ?... Мало ихъ, что ли? Липнутъ, точно мухи на медъ. Для баловства они это, стоялые жеребцы...

Я знаю: она цѣликомъ со мною. Но что я могу? Вѣдь, можетъ быть, завтра не будетъ Груши, не будетъ меня... Я цѣлую ее. Отъ нея пахнетъ сѣномъ.

2 Августа.

Иванъ Лукичъ — фабричное производство. Такихъ, какъ онъ, Россія ежедневно штампуетъ десятки. Но онъ не нашего штампа. Мы выросли въ парникахъ.

въ тюрьмѣ или въ «вишневомъ саду». Для насъ книга была откровеніемъ. Мы знали Ницше, но не умѣли отличить озимыхъ отъ яровыхъ; «спасали» народъ, но судили о немъ по московскимъ «Ванькамъ»; «готовили» революцію, но брезгливо отворачивались отъ крови. Мы были барами, народолюбцами изъ дворянъ. Насъ смѣнили новые люди. Они «мечтаютъ» единственно о себѣ.

Вечеръ. Теплится восковая свѣча. Иванъ Лукичъ ночуетъ сегодня въ палаткѣ. Онъ зѣваетъ, потомъ говоритъ:

— Хуторъ куплю, заведу голландскихъ коровъ, ленъ посѣю... И женюсь на богатой.

— Да вѣдь васъ вперва на «сосиски»...

— Не безпокойтесь. Я ихъ рыбье слово знаю... Почему я отъ нихъ ушелъ? Очень просто. Мнѣ все равно, Совнаркомъ, Совѣты, Учредительное Собраніе или даже пусть чортъ собачій... Но я работать хочу. Понимаете, для себя хочу, а не для барскихъ затѣй или для соціализаціи дурацкой. Ну, а при коммунѣ развѣ это возможно? Зубри книжонки, пой «это будетъ послѣдній».., да «товарищамъ» взятки давай. Вотъ когда мужикъ одолѣетъ, то будетъ порядокъ. Мнѣ нуженъ порядокъ: я за собственность. А гдѣ собственность, тамъ долженъ быть и законъ.

— А вы собственникъ?

— Нѣтъ. Но буду... Покойной ночи. Пріятнаго сна.

Онъ тушитъ свѣчу и отворачивается къ стѣнѣ,— къ брезенту. Ему нуженъ порядокъ. Поэтому онъ

«бандитъ». Онъ за собственность. Поэтому онъ былъ коммунистомъ... А Россія? Россія — «прикраса»... Не счастливѣе, не богаче ли я его?

3 Августа

Я иду проселкомъ, между полями. Еще не скошена рожь, еще алѣютъ красные маки и въ янтарныхъ колосьяхъ, прячутся синія звѣздочки, васильки. Полдень. Сладкой горечью пахнетъ полынь.

У Можаръ я сворачиваю на большую дорогу. На дорогѣ знакомый хуторъ. Здѣсь живетъ «резидентъ», мой старый пріятель, купецъ, Илья Кораблевъ.

Пусто на огородахъ. Пусто въ конюшнѣ. Пусто на просторномъ, чисто выметенномъ, дворѣ. Только въ пруду полощатся и брызжутъ водою утки. На заборѣ — десятилѣтній мальчишка. Онъ болтаетъ голыми, черными отъ загара, ногами.

— Здравствуй... Не узнаешь, что ли, Володька?

— Проходи.

Проходи... Я люблю дѣтей, люблю и Володьку. Онъ всегда выбѣгалъ мнѣ на встрѣчу. Онъ разсказывалъ про свои, мальчишескія, дѣла. Про голавлей, про кукушкины гнѣзда, про крысъ, про жеребую кобылу Феклушу. Но сегодня онъ мраченъ. Онъ глядитъ изъподлобья, волченкомъ.

— Тятька дома?

Онъ нахмурился и молчитъ.

— Гдѣ тятька?

— Нѣту тятьки... Убили. Пріѣхали и убили.

— Кто убилъ?

— Да чего стоишь то? Сказано: проходи...

— А мамка?

Дрогнули румяныя губы. Онъ машетъ худой, тоже загорѣлой, рученкой.

— Мамка?.. Мамку съ собой... увезли...

— Что же ты, Володька, одинъ?

— Я да Жучка остались... Да проходи ты, безтолковый какой... Неровенъ часъ, убьютъ и меня.

Я медленно возвращаюсь въ лагерь.

4 Августа.

Иванъ Лукичъ былъ въ развѣдкѣ. Онъ докладываетъ:

— «Иду, а у Салопихинскаго ключа городской, милицейскій. Подошелъ. Покурили, поговорили. То да се, да кто, да откуда. Я говорю: — «коммунистъ», и документъ ему показалъ. Онъ и пошелъ: — «Я тоже» — говоритъ — «коммунистъ». Сколько я этихъ бѣлыхъ на своемъ вѣку въ расходъ вывелъ... На сибирскомъ фронтѣ, у Омска... А теперь вотъ зеленыхъ ловлю. Шайка тутъ бандитская завелась. Ну, да мы ее живо поймаемъ. Попляшутъ они, родненькіе, въ Че-ка»... Я слушалъ, слушалъ и говорю: — «Молодецъ, нечего сказать, молодецъ»... А потомъ ноганъ вынулъ и приставилъ къ виску. Онъ не вѣритъ: — «Полно шутить, товарищъ»...—«Какія шутки?.. Руки,

родненькій, вверхъ»... Такъ у него даже волосы подъ шапкой зашевелились. Вотъ часы и партійный билетъ».

Федя вертитъ часы въ рукахъ. Часы золотые, со звономъ. Федя ставитъ стрѣлку на «звонъ»:

— Три, четыре, пять, шесть... Шесть часовъ. Вотъ такъ ловко... Самоварчикъ развѣ поставить?.. Эхъ, верчу, переверчу, самоварчикъ вскипячу да Ивану Лукичу... Съ находкой васъ, господинъ корнетъ.

5 Августа.

«Не убій»... Мнѣ снова вспоминаются эти слова. Кто сказалъ ихъ? Зачѣмъ?.. Зачѣмъ неисполнимые, непосильные для немощныхъ душъ завѣты? Мы живемъ «въ злобѣ и зависти, мы гнусны и ненавидимъ другъ друга». Но вѣдь не мы раскрыли книгу, написанную «внутри и отвнѣ». Но вѣдь не мы сказали: «Иди и смотри»... Одинъ конь — бѣлый, и всаднику даны лукъ и вѣнецъ. Другой конь — рыжій, и у всадника мечъ. Третій конь — блѣдный, и всаднику имя смерть. А четвертый конь — вороной, и у всадника мѣра въ рукѣ. Я слышу и многіе слышатъ: «Доколѣ, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу»?

6 Августа.

Цвѣтутъ липы. Земля обрызгана блѣдно-желтыми, душистыми лепестками. Знсемъ томится лѣсъ, ды-

шетъ земляникой и медомъ. Неторопливо высвистываетъ свою пѣсню удодъ, неторопливо скребутся поползни въ сосновой корѣ, и звонко, въ тающихъ облакахъ, кричитъ невидимый ястребъ. Днемъ — безтревожная жизнь, ночью — смерть. Ночью незамѣтно шелохнется трава и зашуршитъ листами орѣшникъ. Что, жалостно пискнетъ... Жалкій то предсмертный пискъ. Я знаю: въ лѣсу опять совершилось убійство.

7 Августа.

Вреде мнѣ говоритъ:

— Не то, Юрій Николаевичъ, не то...

— О чемъ вы, Вреде?

— О насъ, о зеленыхъ... Ну, пусть бѣлые дрянь. Такъ вѣдь я отъ бѣлыхъ ушелъ... Я думалъ, что здѣсь, въ лѣсу, лучше...

— Въ лѣсу, дѣйствительно, лучше.

— Лучше?.. А зеленая, а мужицкая тьма?.. «Педзяки», Антихристы, Ильи Пророки, костры... И, въ сущности, всеобщее «вышибай днище»...

— Что же, Вреде, вы за красныхъ теперь?..

Онъ вспыхиваетъ.

— За красныхъ?.. Какъ вы можете такъ говорить? Я хочу честной жизни, я хочу открытаго боя. Я офицеръ. Я не бандитъ, не разбойникъ... Ну, хорошо, Мы побѣдимъ, мужики побѣдятъ... Что дальше? Мужицкое царство?

— Да, мужицкое царство,

— А мы?

Я улыбаюсь:

— Чего вы хотите, Вреде?

Онъ задумался. Потомъ медленно говоритъ:

— Чего я хочу?.. Я хочу, чтобы Мокеичамъ не рубили пальцевъ и чтобы Володьки не оставались одни. Я хочу, чтобы не воровали Каплюги. Я хочу, чтобы не было ни «рыжихъ», ни «лохматыхъ», ни военкомовъ, ни провокаторовъ, ни Че-ка... Я хочу...

Я перебиваю его:

— Вы хотите земного рая...

Въ лѣсу лицо его огрубѣло. Но онъ все еще хрупкій, похожій на дѣвушку, мальчикъ. Онъ не можетъ примириться со «зломъ». Онъ не знаетъ, что четвертый конь — конь вороной... Онъ въ волненіи спрашиваетъ меня:

— За что мы боремся? Объясните.

И я говорю:

— За Россію.

8 Августа.

Степанъ Егорычъ, Грушинъ отецъ, ночью пробрался въ лагерь. Я съ трудомъ узнаю его: у него клочьями вырвана борода, одинъ глазъ распухъ и изъ другого сочится кровь. Федя смотритъ, потомъ говоритъ:—«Такъ-съ. Стало быть, били въ морду, какъ въ бубенъ... И что это, въ самомъ дѣлѣ за люди? И

что это за мерзавцы такіе? Ей Богу, креста на нихъ нѣтъ»... Степанъ Егорычъ вздыхаетъ:

— Охъ, многоуважаемый, всѣхъ забрали, а насъ, стариковъ, пороть... Говорятъ: — «Деревню сожгемъ, чтобы и память о ней забылась, а вы старики, какъ хотите. Поколѣете, туда и дорога»... Груша не хотѣла идти. Схватила топоръ: — «Убью»... Ну, да гдѣ ужъ?.. Скрутили ее, повезли. Охъ, заступись, заступись... Что дѣлать то? Охъ, Владычица Богородица, Пресвятая Великомученица Варвара...

Я понялъ одно, — я понялъ, что арестована Груша. Я спрашиваю:

— Куда повезли? Во Ржевъ?

— Во Ржевъ, многоуважаемый, во Ржевъ... Черезъ Зубово и Сычевку...

Я говорю Федѣ:

— Сѣдлай.

Онъ бросился къ стреноженнымъ лошадямъ. Я жду. Мнѣ холодно. У меня дрожатъ руки.

9 Августа.

Я вбродъ переправился черезъ Взмостю и, не разбирая пути, поскакалъ къ Сычевскому тракту. Я скакалъ по лѣснымъ тропинкамъ, по оврагамъ и сжатымъ полямъ. Вѣтви обжигали лицо, шумѣли листья въ ушахъ. Взмыленный конь храпѣлъ, — я вспомнилъ Голобку. Я билъ его до изнеможенія нагайкой, я рвалъ шпорами исхлестанные бока. Онъ шатался,

когда вдали показалась Сычевка. Поздно. Въ Сычевкѣ не было Груши.

10 Августа.

Федя ходилъ во Ржевъ. Онъ узналъ, что Груша сидитъ въ «Че-ка». Ее допрашивали, — она не вымолвила ни слова. Ей грозятъ «пробками» и Москвой. Я знаю, что значатъ «пробки». Стѣны, полъ, потолокъ, обшиты пробковыми щитами. Нѣтъ воздуха, нечѣмъ дышать. Человѣкъ понемногу теряетъ разумъ, теряетъ силы, теряетъ волю... У китайцевъ есть пытка крысой. Живую крысу сажаютъ въ кастрюлю. Кастрюлю ставятъ заключенному на животъ. Крыса ищетъ исхода, — перегрызаетъ сначала кожу, потомъ кишки, потомъ спину, пока не выйдетъ наружу, пока не изгрызетъ, не источитъ до — смерти человѣка... Не дѣтская ли забава костеръ?

Я не сплю. Трещатъ кузнечики въ соснахъ. Ихъ трескъ, сухой и горячій, не даетъ мнѣ покоя. Я вижу Грушу, ея высокую и бѣлую грудь. Пахнетъ сѣномъ... Егоровъ скосилъ поляну и у палатки свѣжія, окропленныя росой, копны. «Господи, неужто погибнемъ»?., Нѣтъ, она не погибнетъ. Погибнутъ тѣ, кто скрутили ее. Погибнутъ гады. Погибнутъ бѣсы... Вреде окликаетъ меня въ темнотѣ:

— Юрій Николаевичъ, что дѣлать?

— Какъ что дѣлать?.. Пойдемъ во Ржевъ.

— Но вѣдь насъ всего три десятка..,

— Если страшно, оставайтесь, Вреде, въ лѣсу.

Онъ молчитъ. Зачѣмъ я обидѣлъ его? Я вѣдь знаю: онъ для Груши первый войдетъ во Ржевъ.

11 Августа.

Нѣтъ Груши... Вечеромъ я не слышу ея шаговъ, утромъ не вижу ея улыбки. Я не въ тюрьмѣ, я въ пустынѣ. Никто не скажетъ: «Касатикъ... Соколикъ»... Никто не разсмѣется веселымъ смѣхомъ. Никто не заплачетъ. Кругомъ глухая и хмурая ночь, — «звѣрь стоокій».

12 Августа.

— Ты, Федя, взорвешь мостъ на Гжати. Вы, Вреде, войдете во Ржевъ съ востока, по московской дорогѣ. Я войду отъ Сычевки, съ юга. Мое дѣло Че-ка, ваше — Уисполкомъ. Сборъ у комендантской команды. Гарнизонъ небольшой: красные ушли на Калугу, ищутъ насъ подъ Мещовскомъ. Иванъ Лукичъ и Егоровъ пойдутъ со мною. Время — 3 часа ночи.

Вотъ моя диспозиція. Не диспозиція, а безразсудство. Такъ сказалъ бы полковникъ Мейеръ. Такъ, конечно, думаетъ Вреде. Я говорю: гарнизонъ небольшой, но «небольшой» означаетъ человѣкъ триста. Мнѣ все равно. Мнѣ все равно, потому что нѣтъ Груши и еще потому, что «преслѣдуйте враговъ и настигайте ихъ, и не возвращайтесь доколѣ не истребите ихъ».

13 Августа.

Мы взяли Ржевъ. Мы взяли его на разсвѣтѣ, когда всходило румяное солнце, и въ пригородной церкви Николы на Кузнецахъ звонили къ ранней обѣднѣ. Убитъ Мокеичъ, убитъ Титовъ, убитъ Хведощеня и ранено двѣнадцать «бандитовъ». Но городъ въ нашихъ рукахъ. Мы — калифы на часъ. Гдѣ Груша?

14 Августа.

Груши нѣтъ... Я не нашелъ ее ни въ «Че-ка», ни въ уѣздной тюрьмѣ, ни въ казармѣ. Груши нѣтъ... Зачѣмъ же я пожертвовалъ «шайкой»? Зачѣмъ же мы брали Ржевъ?

Вреде докладываетъ, что красные наступаютъ. Изъ Москвы идутъ три дивизіи. Три дивизіи... Хорошо. Мы уйдемъ. Хорошо. Мы уйдемъ безъ Груши. Я зову Федю:

— Федя, сколько на площади фонарей?

— Не считалъ, господинъ полковникъ.

— Сосчитай. И на каждый фонарь повѣсь. Понялъ?

— Понялъ. Такъ точно.

15 Августа.

Я сказалъ: «спасайся, кто можетъ», и уже нѣтъ «бандитовъ» и «шайки». Нѣтъ никого. Есть отдѣльные,

невооруженные люди. Они разсѣялись по окрестнымъ лѣсамъ. Съ кѣмъ же красные будутъ драться?

Я верхомъ ухожу изъ Ржева. Чего я достигъ?... Вотъ опять знакомое, столѣтнее, утомленіе. Нѣтъ, хуже. Позади — опустѣлый лагерь, впереди... На что надѣяться впереди? Запылали деревни вокругъ, свищетъ плеть, трещатъ пулеметы. Нѣтъ конца самоубійственной бойнѣ. Изошла слезами Россія и исчахъ великій народъ.

Вечерѣетъ. Краснымъ заревомъ разгорѣлась заря и погасла. На прозрачномъ, блѣдно-зеленомъ, небѣ девять черныхъ столбовъ. Девять повисшихъ тѣлъ. Всѣ безъ шапокъ, въ нижнемъ бѣльѣ. Всѣ съ открытыми, слѣпыми глазами. И всѣ качаются на вѣтру.

За Москву. За Столбцы. За Грушу.

III.

3 Февраля.

Я подхожу къ телефону.

— 170-03...

. . . .

— Алло! 170-03? Попросите товарища Ковалева.

. . . .

— Алло! Это ты, Федя?

— Я, господинъ полковникъ.

— Осторожнѣе. Какой я теперь полковникъ?

Я слышу, какъ онъ смѣется.

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ... Плевать я на нихъ хочу...

— Ну что?

— Въ Кунцевѣ. На третьемъ запасномъ пути.

— Такъ... Ну, а ты какъ живешь?

— Я то? Скоро за усердіе въ комиссары произведутъ... Вчера обыскъ дѣлалъ. Саботажника одного изъ бѣлогвардейцевъ ловилъ. Только убѣжалъ проклятущій...

Я вѣшаю трубку. Итакъ, поѣздъ въ Кунцевѣ. Мы тоже «саботажники» и «бѣлогвардейцы». Мы взорвемъ его на этой недѣлѣ.

4 Февраля.

Федя — не Мошенкинъ, а Ковалевъ. Онъ состоитъ сотрудникомъ «Ве-че-ка». Егоровъ — не Егоровъ, а Ларіоновъ. Онъ служитъ сторожемъ въ «Наркомздравѣ». Вреде — не Вреде, а Лазо. Онъ въ красной арміи, командуетъ эскадрономъ. У всѣхъ троихъ фальшивые, точнѣе «мертвые» документы — документы убитыхъ. Всѣ трое въ Партіи — «убѣжденные коммунисты». Иванъ Лукичъ — «спекулянтъ», живетъ подъ своей фамиліей и держитъ связь съ «Комитетомъ». Я — безъ имени, невидимкой, скрываюсь у разныхъ людей. Эти люди, конечно, рискуютъ жизнью.

Я въ Москвѣ. Невозможное стало возможнымъ... Я могу сказать про себя: «Я день и ночь пробылъ въ глубинѣ морской, былъ много разъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ въ городѣ, въ опасностяхъ въ пустынѣ, въ опасностяхъ на морѣ, въ трудѣ и въ изнуреніи, часто въ бдѣніи, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ».

Гдѣ я теперь? Не снова ли въ «глубинѣ морской»?

5 Февраля.

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ...

А сегодня... Сегодня я не нахожу любимой Москвы. Сегодня мнѣ все чужое. На площадяхъ — казенные «монументы». На вывѣскахъ — оскорбительныя для русскаго уха слова. Памятникъ Марксу. Господи, Марксу!.. И тутъ же «Наркомздравъ»... «Пролеткультъ»... «Москвотопъ»... «Наркомпродъ»... Я иду по Арбату. Сіяетъ зимнее солнце, хруститъ подъ ногами снѣгъ. Тѣ же тополи, тѣ же березы, тѣ же задумчивые особняки. Тотъ же уѣздный, московскій, бытъ. Но вотъ загудѣла, задымила нефтью «машина». Грохотъ и нахальный свистокъ. Проносятся «владыки міра сего». «Въ гору холуй пошелъ»... Я опускаю глаза. Я не хочу, я не могу видѣть ихъ.

Ольга жила на Цвѣтномъ бульварѣ. Я вошелъ на широкій дворъ и поднялся въ четвертый этажъ. Мнѣ открылъ скуластый, въ кожаной курткѣ «товарищъ»: — «Нѣтъ такой... Не живетъ»... Когда захлопнулась дверь, я долго стоялъ на площадкѣ. Темнѣло. Внизу, въ «домкомѣ», — въ швейцарской, — ругались громкіе голоса.

6 Февраля.

Въ моей комнатѣ голыя стѣны и накрытый грязной скатертью столъ. На столѣ нечищенный самоваръ. За самоваромъ Егоровъ. Онъ пьетъ чай. Онъ пьетъ его по крестьянски — съ блюдечка и въ прикуску, и, разумѣется, изъ своей посуды. Онъ носитъ ее въ карманѣ.

—Какъ же ты пьешь въ «Наркомздравѣ»? Вѣдь религія — «опіумъ для народа»...

— Какъ пью? По закону... Одинъ бѣсъ пытался было подъѣхать ко мнѣ: — «Какой, молъ, ты коммунистъ? Какой, молъ, ты безсознательный пролетарій? Бога нѣтъ. Бога выдумали попы»... Ну, я его поучилъ маленько: — «Коммуна коммуной, а о Богѣ не смѣй. Не то голову отвинчу»... Охъ, господинъ полковникъ, не пристало мнѣ ползать ужомъ. Да и толку нѣтъ, пока что... А грѣхъ то, грѣхъ то какой...

— Въ чемъ грѣхъ, Егоровъ?

— Какъ въ чемъ? Цѣльный день промежду бѣсовъ. Бѣсовскія рѣчи слышишь. Бѣсамъ угождаешь. Того и гляди, и самъ въ бѣсы угодишь...

Хозяйка, Пелагея Петровна, выноситъ выпитый самоваръ. У нея истощенное, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, лицо. Ея мужъ, механикъ, работаетъ на заводѣ, — «не на заводѣ, а на каторгѣ царской», какъ она говоритъ. Егоровъ косится изподлобья:

— Тоже бѣсовка?

— Нѣтъ, своя... Слушай, Егоровъ...

— Я, господинъ полковникъ.

— Въ Кунцевѣ, на третьемъ запасномъ пути стоитъ поѣздъ. Въ немъ снаряды для московскаго гарнизона. Завтра у тебя службы нѣтъ. Ты взорвешь его во время обѣда.

Онъ киваетъ длинною бородой: «вотъ и толкъ, слава Богу». Потомъ говоритъ отчетливо, какъ въ строю:

— Слушаюсь, господинъ полковникъ.

7 Февраля.

Кунцево. Морозное утро. Снѣжный блескъ ослѣпляетъ глаза. Направо паркъ, пушистые треугольники елей, — «пивныя бутылки», сказалъ бы «художникъ» Федя. Налѣво станція, — рельсы. Третій запасный путь.

Безъ пяти минутъ часъ. Я жду... Я вижу: въ четвертомъ вагонѣ отъ паровоза, блеснула искра. Она блеснула, потомъ погасла. Потомъ вдругъ вспыхнуло пламя. Раздался гулъ, глухой и короткій. И сейчасъ же, взметая щепки, изъ вагона вырвался смерчь. Онъ фонтаномъ взвился до небесъ и расплылся продолговатымъ, огненно-желтымъ, огромнымъ коль

цомъ. Это кольцо застыло. Оно повисло надъ лѣсомъ, — грозный и всевидящій глазъ.

Засвистѣли осколки... Я не пытался уйти. Ноги вросли въ холодную землю. Я ждалъ конца. Я ждалъ послѣдняго взрыва. Зачѣмъ? Я не знаю... Я хочу и не умѣю сказать.

8 Февраля.

Мое окно выходитъ во дворъ. Пейзажъ — мусорная яма и сосульки на водосточной трубѣ. Полумракъ даже въ полдень. Зловоніе даже въ морозъ. И это Москва?

Издали, въ лѣсу и въ походѣ, Москва сіяла путеводной звѣздой. Ну вотъ, я въ Москвѣ. Свѣтлый праздникъ? Нѣтъ, будни. Будни утренній самоваръ, будни сѣрая Пелагея Петровна, будни Пречистенка и Арбатъ. Трудно жить безъ «возвышающаго обмана». Еще труднѣе бороться. Груша боролась за жизнь. За что я борюсь?

Я не вѣрю въ «программы» и, разумѣется, не вѣрю «вождямъ». Я тоже борюсь за жизнь, за право жить на землѣ. Борюсь, какъ звѣрь, когтями, зубами, кровью... Я сказалъ: «на землѣ». Неправда. Не на землѣ, а въ Россіи, только въ Россіи. Пусть будни. Пусть мусорная яма. Пусть полумракъ. Но это свое и родное. Какъ своя и родная Ольга.

9 Февраля.

Мы сидимъ на Страстномъ бульварѣ. Сумерки. Въ переулкахъ — вѣтеръ. Зажигаются фонари. Федя сплевываетъ:

— А я, господинъ полковникъ, «товарища» вывелъ въ расходъ.

— Что ты, Федя? Въ Москвѣ?..

— Такъ точно. Въ Москвѣ. Начальникъ мой, Соболь ему фамилія.

— Когда?

— Да ночью сегодня. Узналъ я, что онъ на Дѣвичьемъ полѣ живетъ. Вотъ и поджидаю въ воротахъ, вродѣ будто грабитель. Никого. Хоть шаромъ покати. Вдругъ, гляжу: сѣменитъ, разбойникъ, ногами. Ну, я вышелъ, шапку съ него сорвалъ, да ноганомъ хвать по затылку. Онъ и сѣлъ. Я съ него шубу снимаю, а онъ вытаращилъ глаза и бормочетъ: — «Ковалевъ... Ковалевъ...» Это, стало быть, я. Ну, я его, понятно, пришилъ.

— И ограбилъ?

— Неужели, по вашему, добру пропадать?.. А утромъ, на службѣ скандалъ: «Товарищъ Соболь убитъ... въ видахъ ограбленія». Я заикнулся: — «Товарищи, а можетъ бѣлогвардейцы?» Какой тамъ... Вѣдь непріятность, если бѣлогвардейцы: не доглядѣли. А тутъ еще этотъ взрывъ... Хлопотъ полонъ ротъ. Насилу освободился. Не пускали. Хотѣли, чтобы я убійцу ловилъ.

Онъ ухмыляется. Онъ и здѣсь играетъ въ «акуль-

ку», — безъ проигрыша, конечно. Вотъ ужъ, поисти нѣ, безоблачная душа.

10 Февраля.

Сегодня день моего рожденія. Я, конечно, забылъ о немъ. Но Федя вспомнилъ и поднесъ мнѣ «картинку». На «картинкѣ» красками нарисованъ букетъ. Цвѣты перевязаны розовой лентой. На лентѣ «стишокъ»:

Поздравляютъ васъ бандиты
И желаютъ счастья вамъ,
Вы отецъ нашъ знаменитый
На страхъ гадамъ и бѣсамъ.

Подъ «стишкомъ» каллиграфически написанный адресъ Ольги: Молчановскій переулокъ, десять. Федя узналъ его въ «Ве-че-ка»... Я нашелъ Ольгу. Я счастливъ.

— Спасибо, Федя... Но почему же «отецъ», да еще «знаменитый»?

— Знаменитый, потому что прославились въ Бобруйскѣ и Ржевѣ, а отецъ...

Онъ сморкается въ шелковый, «покупленный», конечно, платокъ. Потомъ говоритъ, моргая единственнымъ глазомъ:

— А отецъ, потому что... потому что не погнушались нами...

11 Февраля.

Она вскрикнула и отступила назадъ. И, не садясь, и не предлагая мнѣ сѣсть, сказала:

— Жоржъ, ты — бандитъ?

Я взглянулъ на нее. Вотъ черное, закрытое доверху, платье. Вотъ узкая, безъ колецъ, рука. Она острижена. Въ ней что-то чуждое мнѣ. Монашенка? Или... или... Нѣтъ, не можетъ этого быть.

— А ты? Кто ты такая?

Она отвѣчаетъ твердо:

— Я — коммунистка,

Я сѣлъ. Я только теперь замѣтилъ, что въ комнатѣ нѣтъ ничего: столъ, кровать и два стула. На стѣнѣ портретъ Маркса.

— Ты — бандитъ?

— Да, я «бандитъ».

— Бѣлогвардеецъ?

— Бѣлогвардеецъ.

— Наемникъ Антанты?

Зачѣмъ казенныя, заученныя слова?.. Я холодно говорю:

— Меня нельзя купить, Ольга.

— Такъ для чего?.. Почему?..

Она всплеснула руками. Она силится и не можетъ понять... Я тоже.

12 Февраля.

Ольга взволнованно говоритъ:

— Жоржъ... Вѣдь ты боролся для революціи.

Скажи правду, развѣ вы совершили ее? Вѣдь мы низвергли царя. Вѣдь мы завоевали свободу...

— Ольга, не говори о свободѣ.

— Вѣдь мы возстановили Россію...

— Не говори о Россіи.

— Почему?

— Потому что свободы нѣтъ. Потому что Россіи нѣтъ.

— Свободы нѣтъ?.. А вы? Не вѣшаете? Не разстрѣливаете? Не жжете?.. Россіи нѣтъ?.. А вы? Не ходите по чужимъ переднимъ?

— Ольга, молчи.

Она встала. Ея глаза потемнѣли. Она рукой стучитъ по столу.

— Что для васъ народные слезы и кровь? Что для васъ справедливость? Вы родину любите для себя. Вы свободу цѣните только вашу... И вы не видите, что рушится старый міръ... Нѣтъ... Вы предали революцію... Вы измѣнили Россіи... Вы враги... Слышишь, Жоржъ, ты мой врагъ...

Я тоже встаю.

— Что же, Ольга? Донеси на меня.

— Что ты? Господи, что ты, Жоржъ?..

Она закрыла лицо и плачетъ. Кто это? Ольга?.. И гдѣ я? Въ кельѣ? Въ скиту? И зачѣмъ этотъ образъ, — въ золоченой рамѣ портретъ?.. Я слышу, — она говоритъ сквозь слезы:

— Жоржъ... Жоржъ... Зачѣмъ ты пришелъ?..

13 Февраля.

Зачѣмъ я пришелъ?.. «Тебѣ дамъ власть надъ всѣми царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ, и я кому хочу, даю ее: итакъ, если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое». Искушавшій говорилъ почти правду. Царства принадлежали ему, камень иногда становится хлѣбомъ, и можно броситься внизъ и не преткнуться ногой. Въ этомъ «почти» — весь соблазнъ. Что есть истина? Мы не знаемъ ея. Не знаютъ ея и они. Пройдетъ мгновеніе, — и не будетъ висѣлицъ и разстрѣловъ. Не будетъ Феди. Не будетъ «Чека». Настанетъ «благополучіе».

Не колодецъ разверзся. Тьма ослѣпила глаза. Ольга, и — самодовольный, въ тупомъ величьи, портретъ. Ольга, и — проповѣдь искушенія. Ольга, и — — неистовый гнѣвъ. Вечеръ. Въ комнатѣ пусто. За стѣною храпитъ хозяинъ. Мнѣ холодно. Я не зажигаю огня.

14 Февраля.

Федя вбѣгаетъ ко мнѣ. Онъ блѣденъ. Его рыжіе волосы въ безпорядкѣ. Я только однажды видѣлъ его такимъ: во время ночной атаки.

— Едва добѣжалъ, господинъ полковникъ... Приготовьтесь. Домъ окруженъ.

Я не вѣрю. Я не вѣрю, что бы въ «Че-ка» узнали

мой адресъ. Онъ извѣстенъ только своимъ. А между нами предателей нѣтъ.

— Федя, вздоръ говоришь.

— Взгляните въ окно.

Я взглянулъ. Да, во дворѣ стоитъ часовой. Что это? Нелѣпый случай?.. Федя вынимаетъ револьверъ. Я вижу, какъ у него трясется рука.

Что дѣлать? Мы въ мышеловкѣ... Я тоже ставлю браунингъ на «огонь».

— Федя, у тебя съ собой партійный билетъ?

— Такъ точно.

— И удостовѣреніе «Че-ка»?

— Такъ точно.

— Ну, такъ иди впередъ.

Онъ понялъ. Лицо его просвѣтлѣло. Мы проходимъ черезъ столовую, въ кухню. Въ столовой возятся дѣти. Въ кухнѣ пахнетъ мокрымъ бѣльемъ. Пелагея Петровна шепчетъ: — «Не ходите, ради Христа: убьютъ»... Но Федя быстро шагаетъ къ воротамъ.

Вотъ и улица. На улицѣ грузовикъ. Онъ пыхтитъ, — дребезжатъ оконныя стекла. Гололедица. Капаетъ съ крышъ. Блеститъ на Солнцѣ Христосъ Спаситель. Федя крестится:

— Богъ пронесъ, господинъ полковникъ... Не потопила, Богородица, нашъ городъ Псковъ...

15 Февраля.

Меня пріютилъ мой старый знакомый, профессоръ. Онъ читаетъ біологію, зоологію, минералогію, — я

не знаю, какую именно «логію». Онъ съ утра уходитъ на службу, и я остаюсь одинъ.

Не домъ, а каменная коробка, не квартира, а научный музей. Микроскопы, колбы, реторты, графики и раскрашенныя таблицы. Надъ каминомъ стѣнные часы — кукушка. Она кукуетъ каждые полъ-часа. Медленно ползетъ время, — догораетъ ненужный день.

Я когда-то сказалъ: «Я не хочу быть рабомъ, даже рабомъ свободнымъ. Вся моя жизнь борьба. Я пью вино цѣльное». Я пью его и сейчасъ. «Не убій»... «Не убій», когда убиваютъ твою жену? «Не убій», когда убиваютъ твоихъ дѣтей? «Не убій», — и оправдано малодушіе, и возвеличена слабость, и безсиліе возведено въ добродѣтель... Да, убійцы «умрутъ отъ язвъ». Но «боязливыхъ, и невѣрныхъ, и скверныхъ, — участь въ озерѣ, кипящемъ огнемъ».

16 Февраля.

Долго ли продлится мой карантинъ? Федя волнуется. Онъ не совѣтуетъ выходить. Я одинъ, съ глазу на глазъ съ кукушкой. Тихо. Тихо такъ, какъ бываетъ въ комнатахъ глубокой зимой.

Тьма ослѣпила глаза... Развѣ это прежняя Ольга? Гдѣ косы? Гдѣ бѣлое платье? Гдѣ радостный и безпечный смѣхъ? Гдѣ Сокольники? Гдѣ невозвратимые дни?... Великъ и тяжекъ соблазнъ. Темный Егоровъ чувствуетъ его сердцемъ. Его не понимаютъ ни Федя,

ни Вреде, ни, конечно, Иванъ Лукичъ. Для нихъ все ясно и просто. Россія и «Коминтернъ». Мужикъ и рабочій. Они за мужика и Россію. Я тоже за мужика и Россію. Но я знаю, я помню, что сказано было въ отвѣтъ. А Ольга?...

17 Февраля.

Слава Богу, нарушено мое «табу». Федя мнѣ позвонилъ: въ «Че-ка» получено донесеніе, что я выѣхалъ изъ Москвы. Меня ищутъ въ Кіевѣ и Одессѣ. По вечерамъ приходитъ Иванъ Лукичъ. Иванъ Лукичъ располнѣлъ и обрился. На немъ модный, стянутый въ таліи, пиджакъ и золотая цѣпочка. Не часы ли «со звономъ»?.. Онъ говоритъ отъ имени «Комитета».

— Комитетъ недоволенъ взрывомъ.

— Почему?

— Мѣшаетъ работѣ.

Можетъ быть онъ и правъ, Мы отравлены кровью. Мы безъ крови не понимаемъ борьбы. А «комитетчики» грызутъ «Совнаркомъ», какъ мыши: тихо, настойчиво, осторожно. Ихъ жизнь тяжелѣе нашей. У нихъ безсмѣнные будни, неблагодарный и кропотливый трудъ. Сначала трудъ, потомъ, конечно, тюрьма. А «перчатки»? А «сосиски»? А «пробки»?

— Комитетъ предлагаетъ другое.

— Что именно?

— Начальника «Ве-че-ка».

Начальника «Ве-че-ка»... Я колеблюсь. Вѣдь онъ, какъ царь, — за семью печатями и замками. Но «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ».

— Хорошо.

— Такъ я передамъ.

— Передайте. Ну, а вы? Что у васъ?

Иванъ Лукичъ вынимаетъ туго набитый бумажникъ. Въ бумажникѣ доллары и фунты.

— Видите. Вотъ. Табакомъ торговалъ.

Онъ торгуетъ. Онъ «спекулянтъ». «Каждый муравей свою соломинку тащитъ»... Да, онъ навѣрное купитъ хуторъ, онъ навѣрное разведетъ голландскихъ коровъ. Но вѣдь и коммунисты «въ свой карманъ норовятъ, — и только».

18 Февраля.

Я призвалъ къ себѣ Вреде и Федю. Вреде — «коммунистическій комсоставъ». Звенитъ сабля, звякаютъ шпоры. Не хватаетъ только погонъ.

— Ну что Вреде, сняли погоны?

Онъ краснѣетъ.

— И не жалѣю. Надо правду сказать. Вѣдь мы ничего не знали. Какой это сбродъ? Это армія, настоящая армія... Пусть красная, а все таки наша.

Федя насмѣшливо замѣчаетъ:

— Правильно господинъ поручикъ. По мордѣ хлещутъ за милую душу. Хлещутъ, да еще съ прибауткой: «Это тебѣ не Временное Правительство. Это тебѣ не старый режимъ. Какъ стоишь, сукинъ сынъ?»... Ей Богу.

Вреде сердится:

— Это неправда.

Неправда?.. Вотъ гдѣ сила и власть вещей. Вреде снова чувствуетъ себя офицеромъ. Онъ на конѣ, въ строю, впереди эскадрона. Онъ почти забылъ, что онъ бѣлый. Я нерѣшительно говорю:

— Что вы думаете о начальникѣ «Ве-че-ка»?

Но онъ отвѣчаетъ безъ колебанія:

— Я, Юрій Николаевичъ, всегда готовъ.

— А ты, Федя?

Федя молчитъ. Потомъ качаетъ задумчиво головой:

— Прикажутъ, — нало идти. А только трудное это дѣло. Гдѣ ужъ намъ да ежей давить, господинъ полковникъ.

19 Февраля.

Да, зачѣмъ я пришелъ?.. Меня снова гложетъ тоска, — тоска по вольной жизни, по лѣсу. Мнѣ тѣсно, меня давятъ камни въ Москвѣ. И я не смѣю думать объ Ольгѣ. Она всплеснула руками. Она не въ силахъ понять. Но вѣдь я сказалъ: «и я тоже»... Вотъ вчера я шелъ съ Егоровымъ по Ильинкѣ. У торговыхъ рядовъ, у стѣны, стоялъ татаринъ въ рваномъ халатѣ. Онъ протягивалъ шапку. На шапкѣ была приколота надпись: «Товарищи, подайте на гробъ». Егоровъ остановился. Онъ посмотрѣлъ на засаленныя бумажки и плюнулъ.

— Жалѣютъ... Чего тутъ жалѣть? Околѣваетъ, а все еще терпитъ бѣсо́въ, товарищами зоветъ. Вотъ Господь и прогнѣвался на него.

На той сторонѣ «бѣсы». Что на этой? Развѣ Егоровъ выстроитъ новую жизнь? Развѣ Федя посѣетъ здоровое сѣмя? Развѣ Вреде не взбунтовавшійся баринъ? Развѣ Иванъ Лукичъ не кулакъ? Что приносимъ мы съ собою Россіи?.. Но вѣдь «Господь прогнѣвался» не на насъ. «Господь прогнѣвался» на того, кто не борется, кто и умирая, покоренъ «бѣсàмъ». А Ольга?..

20 Февраля.

Я говорю Ольгѣ:

— Значитъ, можно грабить награбленное?

— А ты не грабишь?

— Значитъ, можно убивать невинныхъ людей?

— А ты не убиваешь?

— Значитъ, можно разстрѣливать за молитву?

— А ты вѣруешь?

— Значитъ, можно предавать, какъ Іуда, Россію?

— А ты не предаешь?

— Хорошо. Пусть. Я граблю, убиваю, не вѣрую, предаю. Но я спрашиваю, можно ли это?

Она твердо говоритъ:

— Можно.

— Во имя чего?

— Во имя братства, равенства и свободы... Во имя новаго міра.

Я смѣюсь:

— Братство, равенство и свобода... Эти слова написаны на участкахъ. Ты вѣришь въ нихъ?

— Вѣрю.
— Въ равенство Пушкина и бѣлорусскаго мужика?
— Да.
— Въ братство Смердякова и Карамазова?
— Да.
— Въ вашу свободу?
— Да.
— И ты думаешь, что вы перестроите міръ?
— Перестроимъ.
— Какой цѣной?
— Все равно...

. . . .

Она чужая. Мнѣ душно съ ней, какъ въ тюрьмѣ.

21 Февраля.

— Итакъ, довольно прочитать десять книгъ, чтобы истина стала понятной?

— Смотря какихъ книгъ.

— Евангеліе?

— Нѣтъ, Евангеліе для дѣтей.

— Итакъ, довольно крикнуть съ балкона «рѣжь», чтобы поднять за собою стадо?

— Не стадо, а русскій народъ.

— Народъ богоносецъ?

— Нѣтъ, свободный народъ.

— Итакъ, довольно повѣрить какому-то Марксу, чтобы отречься отъ родины, отъ родного гнѣзда?

— Ты мучаешь меня, Жоржъ...

— Чтобы исковеркать языкъ, растоптать отцов-

скую вѣру, раззорить голодныхъ и нищихъ, и разстрѣливать беременныхъ бабъ?

— Жоржъ...

— Чтобы унизить русское имя и служить проходимцамъ, для ихъ корысти, ихъ лжи?

— Жоржъ...

— Ты помнишь, Ольга: «Если Ты поклонишься, то все будетъ Твое...» Иди, и поклонись. Нѣтъ, ты уже поклонилась. Теперь все твое. Все ваше. Тебѣ, вамъ, дана власть.

Она упала грудью на столъ. Она рыдаетъ навзрыдъ. Меня ждетъ Федя. Я ухожу.

22 Февраля.

Федя докладываетъ:

— Убили васъ, господинъ полковникъ, ей Богу, убили... Вчера донесеніе: вернулся, молъ, изъ Одессы въ Москву. Сегодня утромъ другое: пріѣдетъ въ 8 часовъ въ Петровскій паркъ, на «машинѣ». Батюшки мои!... Захлопотали, засуетились. Сейчасъ роту къ Тверской заставѣ. Ну и я, многогрѣшный, тутъ. Вѣрно: слышимъ, — стучитъ «машина». — «Стой!»... Вылѣзай!... Документы!»... Вылѣзаетъ такъ себѣ, господинъ. — «Я,— говоритъ — Алексюкъ, на службѣ въ Госбанкѣ.» — «Алексюкъ?... На службѣ въ Госбанкѣ?... Знаемъ. За нами!...» Тотъ — туды-сюды, и уже поблѣднѣлъ: караулъ! Прошелъ шаговъ пять, да со страху въ кусты. Разъ — разъ... Изъ всѣхъ вин-

товокъ стали палить. Я наклонился, а въ немъ и дыханія нѣтъ. Тогда старшій и говоритъ: «Собакѣ собачья и смерть»... Это то есть, про васъ... Вотъ такъ и убили.

— Федя, ты донесенія писалъ?

— Никакъ нѣтъ. Что вы? Развѣ бы я посмѣлъ?

Я знаю: онъ вретъ. Онъ опять игралъ и выигралъ, конечно, въ «акульку»: «ужъ такой, значитъ, фартъ».

23 Февраля.

Арестовали Вреде. Его арестовали въ манежѣ, послѣ ученія, и на грузовикѣ отвезли въ «Ве-че-ка». Онъ не сопротивлялся. Федя проситъ меня оставаться дома. Довольно: мнѣ надоѣлъ карантинъ. Ольга..., Ольга чужая, но вѣдь чужая только потому, что своя. Вреде тоже былъ свой, — свой и чужой, конечно. Въ каждомъ изъ насъ есть частица правды. Только частица, только ничтожная доля ея. Кто посмѣетъ сказать, что позналъ ее цѣликомъ?

24 Февраля.

Неужели начальникъ «Ве-чека» не будетъ убитъ? Федя клянется, что Вреде арестованъ случайно. Но случайно окружили меня, случайно арестовали Вреде... «Революціонный держите шагъ, неугомонный не дремлетъ врагъ». Мы не дремлемъ. Не дремлютъ,

разумѣется, и они. Волкъ за тридцать верстъ чувствуетъ человѣка. Такъ и они насъ. Такъ и мы ихъ. Я ощущаю опасность. Я угадываю, что она бродитъ вокругъ. Егоровъ сталъ мраченъ. Онъ вспоминаетъ Синицына и жалѣетъ, что въ Москвѣ нѣтъ костровъ. — «Но кого жечь, Егоровъ?»... — «Кого?... Небось, знаешь самъ...» Я не знаю, Вѣдь не Федя же? Не Иванъ же Лукичъ?

25 Февраля.

Вреде разстрѣлянъ сегодня, на Лубянкѣ, въ подвалѣ. Передъ смертью онъ написалъ мнѣ письмо. Письмо принесъ Федя. «Я знаю, что скоро умру, но не жалѣю о жизни. Моя совѣсть чиста: я исполнилъ свой долгъ. Я послужилъ, какъ умѣлъ, Россіи. Пусть я сдѣлалъ немного, другіе сдѣлаютъ больше. Вѣрю въ Россію, въ ея славу, ея свободу, ея величіе. Вѣрю въ русскій народъ, и за него умираю».

Счастливый Вреде. Хорошо умереть съ непоколебленной вѣрой въ душѣ, съ сознаніемъ своей непререкаемой правоты. Хорошо въ послѣдній, въ предсмертный часъ, заглянуть въ свою совѣсть и помолиться: «Господи, я исполнилъ свой долгъ». Хорошо отдать жизнь «за други своя»... Такъ умеръ и Назаренко.

26 Февраля.

... Вотъ идутъ державнымъ шагомъ —

Позади — голодный песъ,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ.

— Жоржъ, ты помнишь эти стихи?

— Помню. Но вѣдь, по твоему, Христосъ для дѣтей...

— Да, для дѣтей. А вотъ слушай. Мы начали съ Брестъ-Литовска и кончили защитой Россіи. Вы начали съ наступленія и кончили на чужихъ хлѣбахъ. Правда это?

— Да, правда.

— Слушай дальше. Мы начали съ братанья на фронтѣ и кончили побѣдой вездѣ. Вы начали съ добровольцевъ и кончили на Лемносѣ. Правда это?

— Да, правда.

— Слушай еще. Мы начали съ пулеметовъ и кончимъ свободой. Вы начали со свободы и кончили карикатурнымъ царемъ. Правда это?

— Пусть правда...

— Такъ почему же ты противъ насъ?

Она сидитъ строгая, съ блѣднымъ лицомъ, въ томъ же черномъ, безъ украшеній, платьѣ. Я смотрю на нее. Я ищу слѣдовъ прежней Ольги. Вотъ любимые, голубые глаза. Но и они, какъ будто, не тѣ. Гдѣ ихъ

власть надо мною?... Нѣтъ, опять не праздникъ, а будни... Я говорю тихо:

— А почему ты не съ нами? Вѣдь вы давно отреклись отъ себя. Гдѣ вашъ «Коммунистическій Манифестъ»?... Подумай. Вы обѣщали «миръ хижинамъ и войну дворцамъ», и жжете хижины и пьянствуете въ дворцахъ. Вы обѣщали братство, и одни просятъ милостыни «на гробъ», а другіе имъ подаютъ. Вы обѣщали равенство, и одни унижаются передъ королями, а другіе терпѣливо ждутъ порки. Вы обѣщали свободу, и одни приказываютъ, а другіе повинуются, какъ рабы. Все, какъ прежде, какъ при царѣ. И нѣтъ никакой коммуны... Обманъ, и звонкія фразы, да поголовное воровство. Правда это? Скажи.

Она молчитъ. Она не смѣетъ отвѣтить.

— Скажи.

— Да, правда.

27 Февраля.

Развѣ можно убѣдить Ольгу? А если можно, то я спрашиваю, зачѣмъ?.. Она плачетъ. Но я знаю: она плачетъ не о своихъ ошибкахъ и даже не обо мнѣ. Она плачетъ о нашей любви... Мы оба блуждаемъ въ туманѣ. Въ насъ нѣтъ невинности Феди, огня Егорова, чистоты Вреде, — того, что успокаиваетъ сердца. Мы знаемъ, что виноваты. По разному, но все-таки виноваты. Или не виноватъ, не можетъ быть виноватъ никто. Всѣ правы. Всѣ «прахъ земной» и всѣ «пухъ»... Гдѣ всадникъ съ мѣрой въ рукѣ?

28 Февраля.

Между нами сказано все. Все ли, однако?..

— Жоржъ...

— Что, Ольга?

— Ты меня ненавидишь, Жоржъ?

— Нѣтъ, Ольга.

— Но ты и не любишь меня?.. Ты любишь другую?

Другую?.. Я вспоминаю внезапно Столбцы, лунный свѣтъ и бѣлый платокъ. Я вспоминаю звѣзды, и лѣсъ, и запахъ свѣжаго сѣна. Я слышу: «Любиться со мной, съ мужичкой, а въ жены взять барыню, ровню...» Любилъ ли я Грушу? Не знаю. Тогда мнѣ казалось, что не люблю.

— Отвѣть.

Она поднимаетъ испытующіе глаза. Она пристально смотритъ. Потомъ говоритъ:

— Ты любишь другую... Такъ зачѣмъ, зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ смутилъ? Зачѣмъ посмѣялся?.. Ну, я твой врагъ. Ну, ты ненавидишь меня. Такъ уйди, Жоржъ, уйди...

— Хорошо. Я уйду.

Я сказалъ, и она испугалась. Она встаетъ и медленно отходитъ къ окну. Въ сѣрой рамѣ окна высокая и черная тѣнь. Ольга, — та Ольга, для которой я здѣсь.

— Да, Жоржъ, уйди.

1 Марта.

Иванъ Лукичъ уѣхалъ на югъ по дѣламъ «Коми-

тета». Вѣроятно, онъ боится «Че-ка», вѣроятно, также торгуетъ хлѣбомъ. Хлѣбъ, табакъ, какао, вино, — онъ не брезгаетъ никакимъ товаромъ. Онъ копитъ деньги на «хуторъ».

Егоровъ возмущенъ: — «Бросилъ. Стрекача задалъ... А все изъ корысти. Развѣ въ нашемъ дѣлѣ возможна корысть? Въ нашемъ дѣлѣ надо въ чистой рубашкѣ, какъ, напримѣръ, господинъ поручикъ. Ахъ, окаянные... Поганятъ народъ, рублемъ соблазняютъ...» Онъ ютится на заднемъ дворѣ, въ клѣтушкѣ. Въ правомъ углу — образа: Богъ Саваофъ и Христосъ Спаситель; въ лѣвомъ — высокій, окованный желѣзомъ, сундукъ. Въ немъ браунинги, патроны, бомбы, ручныя гранаты. Крышка съ внутренней стороны заклеена лубочной картиной: «Жизнь человѣка». Восхожденіе: дѣтство, юность, женитьба. Нисшествіе: женитьба, старость, могила. Подъ могилою — адъ: черти съ трезубцами и хвостами, и Геенна, «вѣчный огонь». Егоровъ тыкаетъ пальцемъ:

— Вотъ. Забываютъ люди про это.

Я говорю:

— Егоровъ, уѣзжалъ бы и ты.

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Смотри, Егоровъ, вѣдь арестуютъ.

— Не арестуютъ... Я ихъ всѣхъ сундукомъ взорву.

Я улыбаюсь:

— А это не грѣхъ?

— Грѣхъ?... Грѣхъ бѣсовъ сокрушать?... Гдѣ это слыхано, господинъ полковникъ?

2 Марта.

Федя звонитъ, что насъ ищутъ. Я и ему предложилъ уѣхать. Онъ, разумѣется, отказался: — «Гдѣ вы, тамъ и я, господинъ полковникъ. Помирать, такъ ужъ вмѣстѣ, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ...» Я знаю, что мы играемъ съ огнемъ, но не хочу, не могу бросить дѣло: я сохраняю надежду, что Федя узнаетъ адресъ начальника «Ве-че-ка». «Ве-че-ка»... Какая стыдливость... Почему не «Охранки»? Вѣдь тотъ же, царскій, застѣнокъ и тотъ же, Шемякинъ, судъ.

Я хожу по Москвѣ. Хлопьями валитъ снѣгъ. Онъ застилаетъ бульвары, площади, переулки. Бѣлѣютъ крыши домовъ. Бѣлѣетъ трепещущій воздухъ. Бьютъ на Спасской башнѣ часы. Я думаю о нашихъ свиданіяхъ — объ Ольгѣ. Ея вѣра — мое невѣріе. Ея радость — мое несчастіе. Ея побѣда — мой безславный конецъ. И обратно, конечно... Мнѣ тяжело возвращаться къ ней.

3 Марта.

Истины намъ знать не дано. Но то, что мы знаемъ, разорвано на двѣ части. Одна у нихъ, другая у насъ. Не всякое слово облечется въ живую плоть, но всякое можетъ изойти кровью. Ихъ слово изошло ею. Пролились не рѣки, а океаны. Во имя чего? Ольга говоритъ: во имя братства, равенства и свободы. Ей снится сонъ, Сонъ снится и мнѣ. А явь? Не суета ли суетъ?

Я поднялъ мечъ. Я не могъ его не поднять, — не могъ, потому что я сынъ Россіи. А теперь? «Друзья мои и искренніе отступили отъ меня, и ближніе мои стоятъ вдали. Я близокъ къ паденію, но скорбь моя всегда передо мною».

5 Марта.

Я, конечно, вернулся къ ней. Ея комната тоже чужая. Слишкомъ голыя стѣны. Слишкомъ наглый, слишкомъ обидный портретъ.

— Ольга, сними.

Она послушалась. Она снимаетъ золоченую раму. Потомъ садится и беретъ мою руку.

— Хочешь, Жоржъ, я погадаю тебѣ ?

Я не вѣрю въ гаданія. И я не вѣрю, что она хочетъ гадать. Я говорю:

— Не надо... Ты гдѣ нибудь служишь?

— Служу.

— Гдѣ?

Она называетъ какой-то «комъ». Попеченіе о дѣтяхъ. О «пролетарскихъ» дѣтяхъ, конечно.

— Въ Партіи?

— Да.

Я вѣшалъ за Партію... Я молчу. Она тоже долго молчитъ.

— Жоржъ...

— Что, Ольга?

— Такъ гдѣ же, по твоему, правда? Вѣдь не въ бѣлыхъ же?

— Нѣтъ.

— Не въ зеленыхъ же?

— Нѣтъ.

— Не въ старыхъ же партіяхъ?

— Нѣтъ.

— Такъ гдѣ же?

— Не знаю... На заводѣ, въ казармѣ, въ деревнѣ, у простыхъ и неискушенныхъ людей. Но не въ васъ.

Она встала и наклонилась ко мнѣ. И вдругъ быстро и сильно обнимаетъ меня. Я чувствую ея тѣло, — ея высокую и мягкую грудь. Такъ обнимала Груша.

— Мнѣ некогда, Ольга. Прощай.

5 Марта.

— Жоржъ, ты любишь другую?

— Не знаю, Ольга, не знаю...

— Не знаешь?... Ты меня разлюбилъ... Какъ я ждала тебя, Жоржъ. А потомъ... Потомъ... ты «бандитъ»... Я не могла. Ты долженъ понять... Но скажи, кто она? Кто другая?

— Ольга, ея уже нѣтъ.

— Значитъ, правда? Значитъ, я не ошиблась?.. Нѣтъ, Жоржъ, я не люблю, я ненавижу, да, ненавижу тебя...

Она плачетъ. Льются женскія, обильныя слезы, — какъ у Груши, въ лѣсу.

— Ольга...

— Нѣтъ... Ты измѣнникъ. Ты предатель. Ты врагъ народа... Ты нашъ, ты мой врагъ...

— Ольга...

— Я тебѣ сказала: уйди.

Второй разъ она гонитъ меня. Пусть такъ. Мнѣ жалко моей любви. Но у меня нѣтъ ни гнѣва, ни состраданія. На улицѣ я забуду о ней.

6 Марта.

Въ «Извѣстіяхъ» напечатано: «Новое преступленіе бѣлогвардейцевъ. Предательскій взрывъ въ Наркомздравѣ. Ве-че-ка, стоя на стражѣ революціонныхъ завоеваній, открыла очередной заговоръ наемниковъ Антанты, меньшевиковъ и эсъ-эровъ. 5-го Марта, въ 4 часа пополудни, агенты ея явились для ареста нѣкоего Петра Ларіонова, служившаго сторожемъ въ упомянутомъ учрежденіи. Ларіоновъ, оказавшійся опаснымъ бандитомъ, забаррикадировался въ своей квартирѣ. Въ отвѣтъ на требованіе выдать оружіе, раздался оглушительный взрывъ. Убиты товарищи Вецисъ, Биркъ и Щепанскій. Зданіе Наркомздрава повреждено. Бандитъ изуродованъ взрывомъ настолько, что не могъ быть опознанъ. Смерть предателямъ! Да здравствуетъ Р.С.Ф.С.Р.»!

«Бандитъ изуродованъ взрывомъ»... Егоровъ сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ. Да, онъ вѣшалъ, разстрѣливалъ, даже жегъ на кострѣ. Но вѣдь онъ боролся

съ «бѣсàми». Но вѣдь онъ не курилъ и не оскверняялся чужой посудой. Довольно ли этихъ заслугъ, чтобы избѣжать того, о чемъ «забываютъ люди»? Онъ вѣрилъ. Да святится вѣра его.

7 Марта.

Егоровъ былъ темный старикъ, ибо темны народныя нѣдра. Темна невспаханная земля, богата и плодородна. Онъ корнями ушелъ въ нее. Но «сдѣлалось землетрясеніе великое». Пошатнулась древняя жизнь. А новая... Что дала ему новая? «Убили сына и домъ сожгли»... Бѣсовское навожденіе.

Я слушаю, какъ въ трубѣ воетъ вѣтеръ. И мнѣ кажется, что я не въ Москвѣ, а въ лѣсу, и что гудятъ вершинами клены. Вотъ Егоровъ выйдетъ изъ темноты, перекрестится двуперстнымъ крестомъ и скажетъ: — «Эка, прости Господи, благодать»... И, освѣжая и радуя, зашумитъ лѣтній дождь.

8 Марта.

Федя сидитъ въ углу. Онъ куритъ папиросу за папиросой. Онъ похудѣлъ, подъ глазами у него синяки. Онъ, кажется, проигрываетъ въ «акульку».

— Сматывать бы удочки, господинъ полковникъ.

— А начальникъ «Ве-че-ка», Федя?

— Очень ужъ тяжело, господинъ полковникъ. Даже ко мнѣ, и то начали приставать: «Давно ли въ

партіи? Гдѣ раньше служилъ? Сидѣлъ ли въ тюрьмахъ? Въ какихъ?»... Я вру, какъ песъ, да ничего не выходитъ. Хитрые стали, мерзавцы. Не перехитришь, подлецовъ...

— Ты адресъ узналъ?

— Узнать то узналъ... Да что, господинъ полковникъ?... Ей Богу, заберутъ, какъ курятъ...

— Ну, такъ уходи, Федя. Ты мнѣ не нуженъ.

Онъ бросаетъ окурокъ въ каминъ.

— Раньше субботы никакъ невозможно. Уѣхалъ. Вернется только въ субботу. А до субботы...

Онъ машетъ безнадежно рукой. Онъ боится: въ сердцѣ мертвая мышь. Я перебиваю его:

— Я сказалъ: дай адресъ и уходи.

9 Марта.

Федя никуда не ушелъ. Его въ тотъ же вечеръ арестовали. Я снова читаю «Извѣстія». Въ нихъ сказано, что «бѣлогвардеецъ», агентъ Ковалевъ, убитъ при попыткѣ къ бѣгству. Значитъ, и Феди нѣтъ. Нѣтъ никого. Я одинъ.

10 Марта.

Ждать до субботы... А сегодня четвергъ. Я, какъ затравленный звѣрь, какъ комиссарша въ Бобруйскѣ. Я скучаю о лѣсѣ. Унылъ Василій Блаженный и без-

радостенъ Кремль. Вотъ стѣна — могилы павшихъ въ бою коммунистовъ. Имъ — слава и вѣчный покой. А мнѣ?... Мнѣ широкій просторъ. Шуршитъ въ лѣсу примятый орѣшникъ, приподнимается брезентъ надъ палаткой, — входитъ Груша босыми ногами: »Бей ихъ, бей, чтобы ни одинъ живымъ не ушелъ, чтобъ поколѣть имъ всѣмъ, окаяннымъ»...

11 Марта.

Да, Федя былъ правъ: надо «сматывать удочки». Я вышелъ вечеромъ на Тверскую. Я шелъ безъ мыслей, безъ цѣли: я задыхался въ своей коробкѣ. Внизу, на площади, меня догнала «машина». — «Товарищъ, стой!... Руки вверхъ!»... Я успѣлъ вынуть браунингъ: я всегда ношу его въ рукавѣ. Я поднялъ правую руку и, не знаю зачѣмъ, сталъ стрѣлять. Я не видѣлъ людей, — я видѣлъ черныя тѣни. Я нажималъ на курокъ, пока не щелкнулъ послѣдней пулей затворъ. Тогда я очнулся... Я оглядѣлся. Было пусто и очень темно. На мостовой, на мокромъ снѣгу, лежало три человѣка. Стучалъ моторомъ оставленный грузовикъ. Я свернулъ въ переулокъ... Итакъ, начальникъ «Ве-че-ка» не будетъ убитъ.

12 Марта.

Я прощался съ профессоромъ, когда позвонили. Профессоръ вздрогнулъ. Я взялъ браунингъ и пошелъ отворить. На порогѣ стояла Ольга.

— Почему у тебя револьверъ?

— Меня ищутъ.

— Кто ищетъ?

— Твои друзья, коммунисты.

Она не сѣла, а почти упала на стулъ, какъ была — въ папахѣ и шубѣ.

— Жоржъ... Ты уѣдешь? Да?

— Да, Ольга.

— Жоржъ, милый, возьми меня съ собой... Жоржъ.

— Куда?

— Куда хочешь.

«Возьми меня съ собой, куда хочешь»... Такъ просила и Груша... И почему эта женщина въ папахѣ, съ коротко остриженной головой, эта чужая мнѣ незнакомка, говоритъ со мною на «ты» и зоветъ меня Жоржемъ?

— Нѣтъ, Ольга.

— Жоржъ, будь чѣмъ хочешь, дѣлай, что хочешь но не отказывай... Пожалѣй... Вѣдь я люблю тебя, Жоржъ. Вѣдь я любила тебя всегда...

— Нѣтъ, Ольга.

— Потому что я коммунистка? Потому что я была противъ васъ?

Я молчу.

— Ну, скажи же... Скажи.

Она не плачетъ. Глаза ея сухи. Она ждетъ. Такъ ожидала Груша отвѣта... Другого отвѣта.

— Потому что я тебя не люблю.

Я сказалъ и самъ не повѣрилъ себѣ. Она потупи

лась. Звенѣлъ стаканами на кухнѣ профессоръ. Тикали стѣнные часы — кукушка и, помню, за окномъ кружился медленный снѣгъ.

13 Марта.

Я въ вагонѣ. Пахнетъ полушубками и махоркой. Въ дальнемъ углу, въ темнотѣ, какой то малый «наяриваетъ» на балалайкѣ:

Ахъ, коммунія, коммунія моя!
Ахъ, и рожа то вся подлая твоя!

Чего я достигъ? Позади — свѣже-вырытыя могилы. Впереди... Что ожидаетъ меня впереди? Труденъ путь и далекъ, и не видится, и не предчувствуется конца. Завтра они падутъ. Кто ихъ замѣнитъ? Феди, Егоровы, Вреде? Или бѣлоручки, святые Касьяны, не вложившіе въ язвы перстовъ? Но вѣдь надо строить, не разрушать... Ольга... Я сказалъ, что я ее не люблю. Да, міръ опустѣлъ для меня. Россія — Ольга, Ольга — Россія. Неправда. А Груша?... Нѣтъ Груши, нѣтъ и мечты объ Ольгѣ. Замкнулся кругъ. Не тотъ ли послѣдній, когда утрачивается надежда?

У коммуніи карманы всѣ въ дырахъ!
У коммуніи полцарствія въ ворахъ!

Свиститъ пронзительно паровозъ, погромыхиваютъ колеса. «Наяриваетъ» въ темнотѣ балалайка. Мчится поѣздъ. Куда?

14 Марта.

Мчится поѣздъ. Я вижу: подъ обнаженной березой, безъ шапки стоитъ человѣкъ, съ веревкой на шеѣ... «На что крестишься? Крестись на восходъ»... Я вижу: разгорается красный огонь, бѣлѣютъ голыя плечи... «Бороду то, бороду ему подпали»... Я вижу: пылаетъ деревня, сверкнулъ на солнцѣ топоръ: «Убью!» ...Мчится поѣздъ. «Товарищъ, эй, не трусь! Пальнемъ-ка пулей въ святую Русь!»...

Пальнули. И, раненая, бьется Россія. Пальнули не только они, пальнули и мы. Пальнули всѣ, у кого была винтовка въ рукахъ. Кто за Россію? Кто противъ?... Мы?... Они?... И мы и они?...

Сроковъ знать не дано. Но встанетъ родина, — встанетъ нашею кровью, встанетъ изъ народныхъ глубинъ. Пусть мы «пухъ». Пусть насъ «возноситъ» ненастье. Мы, слѣпые и ненавидящіе другъ друга, покорны одному, несказанному, закону. Да, не мы измѣримъ нашъ грѣхъ. Но и не мы измѣримъ нашу малую жертву... «И когда Онъ снялъ третью печать, я слышалъ третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянулъ, и вотъ конь вороной, и на немъ всадникъ, имѣющій мѣру въ рукѣ своей».

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

«LA SOURCE» (Родникъ)

9 bis, rue Vineuse

PARIS (XVIe)

Цѣна: 6 фр.

